

Валерий Увалов

Стальные Волки

Смутное время

Стальные волки

Валерий Увалов

Стальные Волки. Смутное время

«Автор»

2023

Увалов В.

Стальные Волки. Смутное время / В. Увалов — «Автор»,
2023 — (Стальные волки)

Трудные времена требуют трудных решений. Земная Федерация смогла одолеть вражеский флот в звездной системе Хадар и получила приз в виде промышленно развитой планеты Оршу. Вопрос только в том, сможет ли объединенное человечество и союзники проглотить столь лакомый кусок. Для решения этой проблемы Совет Федерации принимает беспрецедентные меры, идя по пути военной диктатуры, и ускоряющимися темпами наращивает военный потенциал. Но только лишь для захвата Оршу необходимо перенапряжение всех сил и ресурсов? Столетия боевые корабли неизвестной цивилизации из системы Хадар выступали в роли карающего меча для всего сектора, теперь этот меч переломлен, и к чему это приведет, остается лишь гадать. Все это дела будущего, разворачивающиеся без ведома Михаила Волкова, которого все считают погибшим. Но благодаря стечению обстоятельств, технологиям и упрямству, Михаил жив и ведет свою войну, где-то в недрах планеты Оршу. И кто знает, может, сам того не подозревая, Михаил сможет повлиять на расклад сил во всем секторе.

© Увалов В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	21
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Валерий Увалов

Стальные Волки. Смутное время

Пролог

550 световых лет от Земли. Граница гелиопаузы звездной системы HD 148478

В пространстве среди множества звезд появилась искорка, которая через мгновение развернулась в гиперпространственную воронку, и в обычную метрику пространства вынырнул небольшой корабль кольцеобразной формы. Как только переход был завершен, гиперпространственная воронка схлопнулась, а корабль, словно неуправляемый, начал медленно вращаться по нескольким осям, но спустя минуту будто бы нехотя заработали маневровые двигатели, и вращение прекратилось.

Внешне корабль выглядел как груда металлолома: вся поверхность усеяна заплатками, явно выделяющимися на фоне основного материала корпуса, а многочисленные следы ремонта говорят о длительной эксплуатации. Даже магнитные сопла маршевых двигателей имеют разную форму, тем не менее они запустились и, проработав около получаса, направили корабль по хорде относительно гелиосферы местного светила. Завершив разгон, корабль развернулся так, чтобы все массивы пассивных антенных решеток и других сканирующих устройств были направлены на одну из планет звездной системы.

Изнутри корабль выглядел не лучше, чем снаружи: повсюду открытые сервисные люки, из которых тянутся жгуты проводов, брошенные в обход поврежденных, не работающие консоли, отсутствие освещения в некоторых местах и облезлая декоративная обшивка. Но несмотря на такое состояние, капитан Шайнари гордился своим кораблем. Он был создан задолго до его рождения, на пике технологического развития великой Кирианской империи, и являлся жемужиной флота. Конструкторы вложили в него последние наработки из области энергетических силовых установок, и при таком малом размере корабль обладал собственным гиперпространственным генератором. Но чудес не бывает, и для остальных систем практически не осталось места, поэтому разработчикам пришлось сократить команду всего до пяти членов экипажа. Именно эта особенность предопределила судьбу подобных кораблей во время экспансии, и они стали ушами и глазами империи далеко за пределами ее границ.

Несмотря на внушительный возраст, корабль продолжал служить, выполняя все те же задачи, как в этом разведывательном рейде к одной из колоний врага. Но время взяло свое, и на борту не осталось ни одной системы, которая работала бы на сто процентов расчетной функциональности. Даже и так не большую команду пришлось сократить до трех членов экипажа, так как система жизнеобеспечения уже не могла обеспечить пятерых, а заменить или восстановить ее нечем.

Об этом с сожалением размышлял капитан Шайнари, двигаясь по кольцевому коридору корабля. Во время наблюдения запрещался запуск вращения корпуса вокруг своей оси из-за соблюдения маскировки, поэтому гравитация отсутствовала, и капитан мерно плыл в невесомости, перехватываясь за скобы. Добравшись до инженерного поста, ловко нырнул в любезно распахнутый люк и в сумраке плохого освещения заметил инженера-техника, практически наполовину забравшегося в один из силовых шкафов и копошащегося в нем.

– Туркхат, что случилось? Почему при выходе из гипера отказала система ориентации? – обратился капитан к инженеру.

Тот еще несколько секунд продолжал молча ковыряться во внутренностях шкафа, а затем выбрался наружу и показал небольшую коробку, на корпусе которой виднелись следы воздействия высокой температуры.

– Вот из-за этого преобразователя выгорела вся питающая цепь, я переключил на резервную, но теперь нужно молиться всем нашим богам, так как переключать больше не на что.

Шайнари указал на преобразователь и спросил:

– Починить сможешь?

– Не знаю, сейчас здесь закончу и посмотрю, что можно сделать. – Не дожидаясь еще вопросов, Туркхат сам заинтересовался: – Как там наблюдения?

– Ждем предварительных данных, но думаю, все так же, как и в предыдущие разы. – Шайнари потер костяной нарост на голове и добавил: – Порой я не понимаю, что мы здесь делаем? Командование думает, что враг сам загнется, и посылает нас, чтобы это не пропустить?

Туркхат поймал вопросительный взгляд Шайнари и, чтобы не смотреть ему в глаза, взял ветошь и начал протирать преобразователь от копоти. Это был провокационный вопрос, и за подобные разговоры на родине можно было лишиться головы или просто исчезнуть без следа, но Туркхат уже давно ходит в команде капитана Шайнари и научился ему доверять. Да и представителей министерства «Чистота мыслей» нет на корабле, поэтому он все же решил высказаться:

– Я думаю, что после стольких лет обещаний о возрождении Империи и контрнаступлении они просто не могут остановиться. А по факту от Империи остались огрызки, а для контрнаступления не осталось флота. Новые корабли мы не строим, а старые даже не смогут выйти за гравитационный пузырь нашего светила, не говоря уже о боевых действиях. – Он ткнул тряпкой куда-то в сторону и добавил: – Это один из самых дееспособных кораблей во флоте, представляешь, в каком состоянии остальные?

– Мне нечего представлять, я и так знаю, – буркнул Шайнари.

– Отказавшись от этих планов, многие лишатся своих теплых мест, так как не будут никому нужны, а обычные кирианцы хотят верить в эти несбыточные обещания, и получается замкнутый круг. Поэтому нас раз за разом отправляют убедиться, что враг все еще силен и не придется воплощать эти обещания в жизнь. – Туркхат снова показал коробку преобразователя и продолжил: – Но когда-нибудь и наши рейды закончатся.

Шайнари молча выслушал монолог инженера и, в принципе, был такого же мнения, но ему хотелось верить в какую-то высшую цель его здесь пребывания, и он, понимая, что сам начал этот разговор, все же с наигранным недовольством сказал:

– Чтобы я больше не слышал таких разговоров на борту моего корабля, это понятно?

– Как скажешь, Шайнари, – без какой-либо обиды в голосе ответил Туркхат.

Настроение капитана испортилось окончательно, и он уже схватился за скобу, чтобы направить свое тело обратно в люк, как вдруг по всему кораблю зазвучали базеры тревоги. Шайнари в удивлении обернулся к инженеру и увидел такое же удивление в его глазах, а затем рывком вылетел через люк.

Обратный путь на мостик занял вдвое меньше времени, и, уже влетая внутрь тесного помещения, он крикнул:

– Нэйран, что происходит?

И, пока Шайнари устраивался в своем ложементе, третий член экипажа, оставленный на дежурстве, скороговоркой выдал:

– Когда поступили предварительные данные, вычислитель определил необычную активность противника, а минуту назад произошло возмущение гиперпространства в том месте, где мы открывали переход.

Капитан, слушая Нэйрана, продолжал приводить свое место в боевое положение: застегнул ремень, слегка наклонил ложемент и опустил сверху консоль управления. На экране консоли тут же проявилось изображение, которое было искажено и не несло никакой полезной информации, но привычный удар сбоку привел все в норму. Отчеты систем корабля о своем состоянии заставили Шайнари скорчить гримасу раздражения, так как ни один статус не гово-

рил о стопроцентной готовности, а в некоторых случаях мелькали критические ошибки проверок. Но несмотря на это, вычислитель обобщил результат как удовлетворительный.

– Давай посмотрим, что там, – сказал Шайнари и отдал команду бортовому компьютеру на разворот корабля.

Для соблюдения маскировки в развороте корабля участвовали только бортовые геродины, так как облака газа из сопел маневровых двигателей легко могли выдать местоположение. Корабль медленно разворачивался всем своим массивом разведывательных приборов в сторону предполагаемой опасности, а Шайнари поймал себя на мысли, что ему нравится происходящее. За столько лет однообразных рейдов хоть что-то произошло, выбивающееся за рамки обычного, его переполняло чувство азарта, а его длинные шипы на голове слегка подрагивали, создавая монотонный шум, как когда-то у его диких предков перед дракой. Шайнари молился всем богам, чтобы во введенных координатах оказалось хоть что-то, кроме пустоты, и, похоже, боги его услышали.

– Обнаружено три цели, – затараторил Нэйран. – Стандартные гончие. Вектор движения в нашу сторону. – Затем он повернул голову к Шайнари. – Капитан, мы находимся в беспрыжковой зоне, и, если они нас обнаружат, нам не уйти.

Капитан выделил три маркера на экране и увеличил изображение. Шайнари еще никогда не видел вражеские корабли так близко, только в хрониках многолетней давности, когда флоты Кирианской империи вели сражения и даже побеждали.

– Это мы еще посмотрим, – с рыком ответил Шайнари, а его шипы начали выдавать такую трель, что заглушали шум оборудования. Он активировал внутрикорабельную связь и прорычал: – Туркхан, кажется, нашей размеренной жизни пришел конец, так что делай что хочешь, но мне нужно максимум энергии и никаких сбоев в ближайшие полчаса.

– Все так плохо? – донеслось из динамиков.

– Все еще хуже. Действуй, – ответил Шайнари и выключил связь.

Последующая минута показалась Шайнари самой долгой в его жизни. Вводя команды в бортовой вычислитель, он постоянно поглядывал на тактическую схему, где отображался противник, и показатели выходной мощности реактора. Значения росли медленно, но неумолимо приближались к тому уровню, когда, сбрасывая лишнее тепло, радиационные панели разогреются до такой степени, что о маскировке не будет идти и речи.

– Фиксирую направленное излучение со стороны противника, – спокойно произнес Нэйран, после чего взвыл сигнал тревоги. – Мы обнаружены, капитан.

Нервное напряжение Шайнари, проявляющее себя в последние минуты, разом исчезло, и он уверенно произнес.

– Готовность к маневру. – Движением руки передвинул индикатор мощности маршевых двигателей на максимум и добавил: – Сейчас.

Маневровые выдали длинный импульс, и корабль резко начал разворачиваться, вжимая Шайнари в ложемент до потемнения в глазах. Достигнув заранее заданного положения, маневровые выдали противоположный импульс, и вращение прекратилось, но через секунду из сопел маршевых двигателей вырвался хвост раскаленной плазмы, разгоняя корабль с огромной перегрузкой. Скорость увеличивалась, и на тактической схеме линия орбиты начала вытягиваться в прямую, устремленную за пределы условной сферы, в границах которой невозможен гиперпереход.

Постоянные ремонты и комплектация нестандартным оборудованием давало о себе знать – весь корпус слегка потряхивало из-за разных моделей маршевых двигателей, причем оба нестандартных. Но это давало небольшое преимущество, а именно повышенную тягу, а следовательно, и ускорения. Из-за этого все тело налилось свинцом, но, хрипя от натуги, Нэйран продолжал комментировать происходящее.

– Противник устремился в погоню. Ускорение выше нашего на двадцать процентов. – Нэйран непослушной рукой с трудом вывел нужную ему информацию и продолжил: – За две минуты до предполагаемого прыжка смогут выйти на линию уверенного поражения. Надеюсь, у тебя есть план, Шайнари.

Капитан никак не отреагировал на слова Нэйрана и лишь продолжал наблюдать за ситуацией через экран своей консоли.

Противник не стал дожидаться, пока их вектор скорости совпадет с вектором цели, и задолго до озвученной Нэйраном точки открыл огонь.

– Плазменный залп, время подлета – минута, – прокомментировал Нэйран.

Шайнари проверил траекторию сближения плазменных сгустков и, убедившись, что они пролетят мимо, продолжил хладнокровно наблюдать за ситуацией. Противник сделал еще четыре залпа, прежде чем траектория подлета действительно стала опасной, и это произошло как раз за две минуты до границы беспрыжкового пузыря. Три сгустка плазмы приближались на относительно высокой скорости, и чем больше они сближались с кораблем, тем больше нервничал Нэйран.

– Капитан, тридцать секунд до столкновения, – прохрипел он, но реакции Шайнари не последовало. – Двадцать секунд.

Шайнари продолжал молча сидеть.

Когда осталось десять секунд, Нэйран повернул голову и через силу выкрикнул:

– Капитан!

– Надеюсь, он выдержит, – проговорил Шайнари и резко убрал подачу энергии с двигателей.

В ту же секунду невидимая сила, вжимающая в ложемент, пропала, но на этом капитан не остановился и так же убрал подачу энергии с других систем, а затем одним движением направил все излишки на магнитный контур корабля.

После первых столкновений с врагом конструкторы Кирианской империи придумали оригинальный способ защиты от плазменных орудий: корпус кораблей возводится вокруг мощнейшего кольцеобразного электромагнита, и в случае активации вокруг корабля возникает магнитное поле, по форме похожее на «Тор», чем и воспользовался Шайнари. Приближаясь к кораблю, три уже изрядно увеличившихся сгустка плазмы начали сжиматься и вытягиваться по ходу движения, а затем резко проскочили через центр кольцеобразного корабля. С обратной стороны, повинаясь магнитным линиям, уже один слившийся сгусток начал расходиться в стороны, пытаясь обогнуть корпус снаружи. Со стороны это выглядело, как будто из центра кольца вырастает огромная плазменная воронка. Но в этот момент сработала автоматическая система сброса, и магнитное поле пропало, после чего остатки плазмы продолжили движения расходящимся курсом, рассеиваясь в пространстве. Шайнари одобрительно зарычал и снова направил энергию в двигатели, и тут же вернулась сила, задавливающая все тело.

Подобный трюк капитан проделал еще дважды, прежде чем загорелся индикатор, разрешающий гиперпрыжок. Каждый раз, когда Шайнари направлял энергию на магнитный контур и обратно на двигатели, он молился, чтобы ничего не сломалось или не перегорело, но, видимо, из гиперпространства молитвы не доносятся до ушей богов, потому что как только за кораблем закрылся переход, он оказался обесточен, и на мостике наступила кромешная темнота. А спустя несколько секунд включилось тусклое аварийное освещение, и тьма отступила, но для Шайнари это уже не имело значения. Да, конечно, он не победил врага, но вступил с ним в бой и смог выжить, хотя все говорили, что шансов просто нет.

Разгоряченный погоней и полностью довольный собой Шайнари отстегнулся от ложемента и поднялся под потолок, где ухватился за скобу, пару раз пошумел шипами и сказал:

– Нэйран, думаю, сейчас Туркхату нужна наша помощь, а то дрейф утащит нас в пропасть.

Тот молча повторил манипуляции с ремнем и также поднялся к потолку, после чего последовал за капитаном в кольцевой коридор. Немного отойдя от происходящего, Нэйран решил поговорить, чтобы окончательно прийти в себя.

– Капитан, что это было?

– Ты о чем, Нэйран? – продолжая двигаться, ответил Шайнари.

– Сколько раз мы здесь были – и ни разу такого не происходило.

– А вот это самый интересный вопрос, Нэйран. Перед самым боем я поверхностно просмотрел данные наблюдения за планетой, и, действительно, активность противника увеличилась в разы. Понимаешь, что это значит?

– Нет, капитан.

– Это значит, Нэйран, что кто-то или что-то вынудил их забеспокоиться.

С десятков секунд они молча летели по коридору.

– Они воют с кем-то! – с удивлением воскликнул Нэйран.

– Я тоже так думаю. – От возбуждения Шайнари снова начал шуметь шипами. – Поэтому нам нужно как можно скорее вернуться и сообщить эту новость – нельзя терять ни минуты. – Впереди замелькал свет от фонарика. – А вот и Туркхан, – обрадовался капитан и с еще большей решимостью направился вперед.

Глава 1

Орбита планеты Ориш. Звездная система Хадар. Спустя шесть часов после начала штурма

Иван медленно перемещался по центральному коридору транспорта и заглядывал в каждый люк, ведущий в одну из десантных капсул. Люки располагались по кругу в одном сегменте коридора, затем через десяток метров следующие, и так вдоль всего корабля. Но лишь в десятке капсул находился весь состав его подразделения, остальные были забиты силами планетарного десанта. Чувствуя ответственность за новое назначение, он своими глазами хотел убедиться, что все его люди готовы к высадке и ни у кого не возникло проблем.

Циклограмма операции показывала, что до выхода его транспорта в точку сброса больше получаса, поэтому Иван не торопился. Помимо самого осмотра на предмет проблем, этот процесс помогал ему снять стресс – для него вся эта ситуация была впервые, впрочем, как и для всех остальных. Да, он раньше воевал против роботов, но это было на Земле и малыми группами, а здесь ему предстояло командовать целым подразделением сил специальных операций, да еще и высаживаться на планету. Конечно, задача сильно отличалась от того же планетарного десанта, и в атаки идти не нужно, но все же.

Наконец, закончив обход, он быстро вернулся к началу и, еще раз окинув взглядом коридор, нырнул в люк своей капсулы. Для его подразделения не стали придумывать чего-то нового, а просто переоборудовали стандартные десантные капсулы под определенные задачи. В стандартной в центре располагается десантник – командир отделения роботов, а по периметру вокруг него десяток тех самых роботов – модификация не имеет значения. Здесь же размещались пары человек – робот, но из-за того, что человек занимает меньше места, удалось разместить пять пар.

Развернувшись в полете, Иван направил свое тело так, чтобы оказаться головой к центру и спиной к днищу капсулы. Устроившись в ложементе, он опустил страховочную раму и оглядел себя, чтобы ничего не мешало и не смогло нанести повреждения во время спуска, затем потянулся к консоли и проверил состояние Никиты и только после этого вывел на визоре шлема изображение с камеры капсулы. В таких же ложементах, головой к центру, лежало еще четыре человека. Одного из них нельзя ни с кем спутать – Ван И, выделялся среди бойцов своими внушительными габаритами, а рядом с ним мелкий Родригес. Остальных двоих, Онила и Белова, Иван взял из других взводов. Это была, так сказать, его личная гвардия.

Так как атмосфера уже была откачена, Иван услышал вопрос Родригеса на общем канале связи.

– Командир, все в порядке?

Иван ничего не ответил, а лишь поднял руку и выставил большой палец вверх. В этот момент в динамиках шлема прозвучал предупреждающий сигнал. Иван скосил глаза на счетчик времени – до сброса оставалось менее пяти минут. Недолго думая, он активировал гарнитуру и включил командный приоритет, чтобы его услышало все подразделение, вне зависимости, на каком канале они сейчас находятся.

– Внимание, готовность к сбросу пять минут.

– Давно пора, – отозвался Родригес и рукой стукнул рядом лежащего Ван И. – Парадокс, когда высадимся, ты только меня не сдерживай, я буду их голыми руками рвать.

Несмотря на браваду Родригеса, по нему было видно, как он нервничает: вцепился мертвой хваткой в раму, а правая нога отбивала чечетку. Иван еще раз оглядел всех, а затем вывел перед собой командный интерфейс, чтобы проверить физическое и психологическое состояние людей. Как и ожидалось, у всего подразделения зашкаливает пульс и количество адреналина в крови, впрочем, как и у него самого. «Представляю, что творится в первой волне десанта,

они же в неизвестность прыгают», – подумал Иван и попытался расслабиться. А в это время Родригес продолжал, но на этот раз вел беседу с Онилом, лежащим по другую сторону от него.

– Это наш командир, я и парадокс, – он ткнул большим пальцем в сторону Ван И, – через такое с ним прошли, ты просто представить не сможешь. Это хорошо, что его поставили командовать всем подразделением, лучшего командира не найти.

– Родригес, хорош трепаться, – не выдержал Иван.

– Да ладно, командир, я же вам авторитет поднимаю у новых подчиненных.

Ван И поднял руку, сжатую в кулак, и поднес ее к забралу шлема Родригеса.

– Хорошо, хорошо, – обиженно запричитал Родригес и замолк, но через секунду стукнул рукой соседа и шепотом, будто его никто не услышит, добавил: – В общем, парень, если что, держись меня, понял?

Пять минут растянулись в целую вечность, и в ожидании сброса Иван размышлял: балабол Родригес, конечно, разряжает обстановку, но нужно как-то поднять боевой дух всему подразделению. И внезапно ему пришла одна мысль, которую он тут же начал воплощать. Помимо интересующей его военной техники прошлого, ему часто, когда он искал информацию, попадалась давно забытая музыка. Иван вывел перед собой личное хранилище, отыскал директорию и принялся искать трек. Найдя нужное, он поставил его на воспроизведение и запустил через командный приоритет. В момент, когда в динамиках шлема раздалась ритмичная звуковая ударная волна, в капсуле прекратилось любое шевеление, а когда появились протяжные звуки электрогитары, люди стали вертеть головой, будто пытаясь отыскать источник звуков. Сам Иван довольно ухмылялся, глядя на реакцию его подопечных, он даже включил трансляцию из некоторых капсул, чтобы насладиться, а тем временем исполнитель начал петь:

Здесь собрались все, все воины Земли.
Они встали в строй, ждут клич, призыва «В бой!».
Замерли войска, победа так близка,
И звук наполнит зал, вселив веру в их сердца!

В этот момент по корпусу капсулы прошла вибрация, а затем резкий толчок, прижавший всех к страховочной раме. Отстыковка прошла штатно, и система автоматической посадки начала выводить капсулу на баллистическую траекторию спуска. Но на это никто не обратил внимания, все вслушивались в слова песни.

Мы имеем право погибнуть за металл!
Здесь каждый этого хотел, он верил и мечтал.
Поклянись, что меч твой может жалить как оса!
Так смело вступим в бой, взмывая в небеса!

На припеве кое-кто стал подпевать в общем канале, а показатели состояния людей перестали быть такими пугающими.

Враг трепещет, подними свой меч и щит!
Мы воины! Воины всей Земли!
Лишь встав плечом к плечу, зло предав мечу!
Мы воины! Воины всей Земли!

Когда заработали тормозные двигатели, началась тряска – в этот момент капсула сходила с орбиты, но никто не отреагировал, так как слушали слова давно забытой песни, и даже непоколебимый Ван И притопывал ногой в ритм.

Многие пытались у нас встать на пути,
Они не могут осознать, что им не победить!
Неся лишь разрушенье, пуская кровь из ран,
Мы молот яростных богов, мы гром, мы ураган!..

* * *

Удар! Несмотря на работу тормозных двигателей и систему амортизации ложементов, посадка оказалась довольно жесткой – из легких Ивана выбило весь воздух, а по телу прокатилась волна боли. Но на тренировках было и похуже, поэтому спустя пару секунд, как только Иван смог вдохнуть, он сразу же начал отдавать приказы:

– Выходим, выходим! – И ударил по грибку отстрела бронеклопаков.

Сработали пиропатроны, и композитные плиты разлетелись на несколько метров от капсулы. Из открывшихся ниш синхронно выскочили пять роботов. Кабели, питающие их в транспортном положении, потянулись за ними, но достигнув предельной длины, вылетели из разъемов и ударили о корпус капсулы. Каждый робот отбежал на десяток метров и, припав на колени, поднял свой огромный ствол, поочередно направляя его в сторону мест потенциальной опасности.

Через секунду после того, как произошел отстрел бронеплит, ложементы стали подниматься изголовьем вверх, переводя бойцов в вертикальное положение. После покидания роботами своих мест в стенках капсулы образовались проемы напротив каждого бойца, и, когда страховочная рама поднялась, Иван рывком выскочил наружу и сразу же попал в гущу боя.

– Держим свой сектор! – выкрикнул Иван и также начал шарить стволом в поисках цели.

Если на Земле, во время высадки морского десанта на побережье противник мог оказаться впереди и по флангам, а сзади оставались водная гладь и свой флот, то здесь противник просто повсюду. А его артиллерия из-за отсутствия атмосферы и более низкой гравитации, чем на Земле, может бить по участку высадки за сотни километров. Добавить к этому насыщенность системами ПРО и РЭБ и превосходство планетарных сил противника в численности – и можно хорошо представить, в какую задницу попала первая волна десанта. Поэтому флот с орбиты сутки обрабатывал площадку диаметром около восьмидесяти километров и только после этого перенес удары дальше, за пределы этого выезженного места.

Первое, что заметил Иван, – это невероятно плохая видимость. Пыль была такой плотности, что дальше тридцати метров ничего не было видно. И она явно не торопилась осесть. Оптическая система ББС немного подстроилась, комбинируя различные длины волн, и дальность обзора расширилась до ста метров. Но это особо не мешало, так как зона высадки была просто пронизана различными сканирующими лучами: маломощные сканеры ББС бойцов и роботов, сканер пауков, тараканов, станция подсветки капсулы и даже от орбитальной станции до разведки. Все полученные данные обрабатывались совокупными мощностями подключенных в командную сеть устройств, и на визоре шлема появлялись удаленные объекты, даже которые находились за препятствием. Благодаря этой системе можно было в подробностях рассмотреть поле боя.

Повсюду, куда дотягивались электронные глаза оптической системы, были руины. С неба непрерывно продолжали спускаться десантные капсулы, поднимая своими двигателями и без того густую пыль. Но не всем повезло попасть на поверхность целым – по всему периметру зоны высадки вверх били зенитные орудия противника. Росчерки снарядов, ступки плазмы и огненные факелы от двигателей ракет выглядели как причудливый фейерверк, озаряя все вокруг. Все это в большом количестве летело вверх, пытаясь остановить тот стальной дождь

из десантных капсул, который устроило командование сил вторжения. И результатом этого было постоянное падение обломков капсул, что добавляло хаоса происходящему. Но большей части десанта все же удавалось прорваться через заградительный огонь, и как только капсула замирала на поверхности, из нее сразу же появлялся десяток Дровосеков во главе с десанником, они тут же бросались в бой, так как, несмотря на длительную обработку данного участка с орбиты, небольшим группам или одиночным роботам противника удалось уцелеть, и сейчас они пытались остановить непрошенных гостей.

«Обнаружен противник.

2 пехотные единицы.

Расстояние 300».

Пришло сообщение от Никиты, и Иван, мельком взглянув на тактическую схему, отдал приказ на поражение. Никита остался на месте, а Волк, находящийся слева, развернулся на тридцать градусов и также застыл. Через секунду оба робота синхронно качнулись, получив отдачу от выстрела, и вскоре пришло следующее сообщение:

«Противник уничтожен.

Сектор чист».

Да, это не те пукалки, с которыми Иван начинал свою карьеру военного, а последние разработки оружейников компании РОС. Что у бойцов подразделения, что у роботов в руках находились стрелковые комплексы с электромагнитным доразгоном, позволяющим достигать начальной скорости снаряда от двух до пяти километров в секунду, в зависимости от типа боеприпаса, только у роботов калибр побольше. Единственный минус такого оружия – это скорострельность, всего двадцать выстрелов в минуту. Но с учетом прицельных систем это не имело особого значения.

Тем временем подобные сообщения стали поступать от всех роботов группы Ивана, и уже бойцам пришлось подключаться к ликвидации и расчистке зоны высадки. Повсюду мелькали вспышки, вверх взметались обломки и грунт от множественных попаданий снарядов, а иногда среди подброшенных обломков виднелись фигуры людей и роботов, что заставляло Ивана скрежетать зубами, но продолжать бой. Несмотря на шквальный огонь артиллерии, высадка десанта продолжалась. В опасной близости садились очередные капсулы, из них наружу появлялись Дровосеки и, разобравшись со случайным противником, устремлялись вперед, чтобы как можно быстрее покинуть зону обстрела, туда, на линию соприкосновения, где шли основные бои за расширение плацдарма. Над головой огненными болидами проносились снаряды пушечных фрегатов. Плотности пылевого облака хватало для образования плазмы от трения о корпус летящей с огромной скоростью стальной болванки. И, как следствие, где-то за линией соприкосновения поднимались огненные столбы.

Но это не была игра в одни ворота – откуда-то издалека артиллерия противника посылала в зону высадки тонны смертоносного металла в виде снарядов и ракет. От постоянных взрывов Иван ощущал, как по броне боевого скафандра барабанит дробь осколков, но, кроме самой брони, от взрывов защищала местность, сплошь покрытая развалинами каких-то сооружений. Вся эта вакханалия происходила в абсолютной тишине со стороны внешней среды, что нельзя сказать о переговорах в каналах связи. В общем канале вообще творилась какая-то какофония от криков, угроз, матерных слов, стонов и просьб о помощи.

Иван посмотрел вверх, подумал: «Повезло» – и, зная, что стоять на одном месте равносильно самоубийству, активировал командный канал подразделения и произнес:

– Здесь оставаться нельзя, забираем снаряжения из капсул и выдвигаемся в сторону линии соприкосновения. – Так как его подразделение раскидало по площади во время спуска, Иван отметил вектор движения в командном интерфейсе, чтобы остальные могли ориентироваться, выбирая направление. – Идем быстро, поэтому вспоминайте, как мы отработывали

подобные действия в виртуальной среде полигона. Здесь все то же самое, – попытался подбодрить своих людей Иван. – Вперед!

Не успел Иван сдвинуться с места, как заметил неподалеку мощный всполох. Обернувшись, он увидел, как всего в шестидесяти метрах от него с резким замедлением на посадку заходит платформа с тяжелым жуком на борту, а на корпусе жука виднеется такая знакомая голова Волка. Неожиданно, не дожидаясь посадки, жук произвел залп куда-то в сторону линии соприкосновения, что привело к перекосу платформы, и та начала заваливаться. Жук не стал ждать, когда платформа опрокинет его, и ловко, насколько это позволяла его многотонная туша, прыгнул на один из раскученных контейнеров, смяв его в лепешку. Затем он, расталкивая своим корпусом валяющиеся обломки, устремился к ближайшим подходящим по размеру руинам, где и устроился, предварительно проломив остатки стены, и уже оттуда стал периодически посылать снаряд за снарядом в только командованию известную цель.

Это отвлекло Ивана буквально на десять секунд, и все это время группа, с которой он сел, ждала начала его движения. Он чертыхнулся, понимая, что подвергает остальных опасности, и, вызвав перед собой интерфейс взаимодействия с Никитой, рванул вперед.

* * *

Орбитальные удары прошли огненным катком, и везде, куда ни посмотри, лежали руины. Удар о поверхность стокилограммового снаряда на скорости двести километров в секунду породил взрыв, сопоставимый с применением ядерных боеприпасов. Но в отличие от взрыва в атмосфере, здесь взрывная волна отсутствовала, поэтому основной урон приходился от эпицентра взрыва и разлетающихся в разные стороны грунта и обломков строений. И все бы ничего, но складывалось такое впечатление, что на планете просто нет свободного места от застроек, и все это сейчас обрушилось, создавая крайне неудобную местность для наступательных действий. Здесь бы продолжить бомбардировку до превращения всех этих руин в состояние мелкой пыли, но для этого на орбите нужно не десятки кораблей, а несколько сотен. Поэтому продвижение вперед было больше похоже на паркур и требовало напряжения сил и внимания.

– Да, флотские постарались на славу, – тяжело дыша, заявил Родригес в канале.

– Закрой рот и следи за своим сектором, – прогудел басом Ван И.

Да, во время движения нужно смотреть не только под ноги, но и по сторонам, так как из любой щели может появиться противник и просто расстрелять в упор, и это несмотря на то, что здесь уже прошла первая волна десанта. Иван был уверен, что все эти руины просто напичканы системами наблюдения наподобие тех же тараканов, которые висели за спиной у бойцов. И поэтому движение – жизнь, иначе снаряд прилетит прямо вам под ноги.

Все, что происходило во время высадки, а потом забега, казалось со стороны каким-то хаосом. Но, приближаясь к линии соприкосновения, Иван заметил, что хаос становится управляемым. На тактической схеме стали появляться отметки временных опорных пунктов, полевых госпиталей и ремонтных мастерских. Даже повезло пройти мимо развернутой станции системы «Купол», способной направленным электромагнитным излучением уничтожать снаряды в воздухе, имеющие в своем составе взрывчатое вещество. Она наглядно демонстрировала свои возможности, устраивая огненное шоу в нескольких километрах над головой, уменьшая тем самым количество снарядов, летящих в зону высадки. Со временем подобных станций будет становиться больше, что позволит прикрыть всю зону, по крайней мере, от данного типа боеприпасов. С плазменными сгустками придется бороться уже проверенным способом – установкой зенитных орудий с дистанционным подрывом снарядов, рассеивая их еще на подлете. Всего этого имеется в большом количестве, еще от предков со старой Земли, только пришлось немного модернизировать их для работы в вакууме. А вот чего точно не хватает, так это тяже-

лых бронированных жуков, способных идти на прорыв под огнем противника. Это довольно новая разработка, и РОС не успела создать их в достаточном объеме. Сейчас они размазаны тонкой линией по всему периметру и используются как мобильная артиллерия. Учитывая то, что колесная и гусеничная техника пройти здесь не в состоянии, основной ударной силой выступают Дровосеки в модификации штурмовика.

Наконец под постоянным обстрелом удалось приблизиться на достаточное расстояние к передку. Иван замедлил шаг и приказал группе укрыться в руинах. Сам также забрался в воронку, оставшуюся от попадания снаряда, которую сверху накрыла часть обрушенной стены, а Никита расположился неподалеку, устроившись за импровизированной амбразурой из обломков. Сразу же активировал таракана, и тот, соскользнув с заплечного ранца, засеменял ногами по краям воронки, расталкивая мелкую крошку. Выбравшись наружу, таракан замер, ощупывая местность своими сенсорами, а затем, повинуясь команде, стал забираться на уцелевшую стену.

Как только таракан смог закрепиться на самой верхней точке, он тут же направил все свои инструменты сканирования в сторону линии соприкосновения, и Иван получил картинку – впереди шел бой! Закопавшись в развалинах, десант отражал натиск противника. Вражеские роботы напирала под прикрытием мобильных плазменных щитов, только на двухкилометровом участке фронта их было сотни. От огня вражеской артиллерии в руинах, где находились силы Федерации, вспучивались огненные шары, превращая укрытие в мелкую крошку. А плазменные сгустки, прилетавшие прямой наводкой, заставляли испаряться все, с чем они сталкивались. Да и роботы-великаны противника, что та артиллерия с их гигантскими пушками. И несмотря на то что численность союзных сил не уступала вражеским и наличие укрытия, десант не избежал потерь, и эти потери были видны невооруженным взглядом.

У десанта артиллерии не было, редкие залпы жуков, находящихся в укрытии где-то за спиной, не в счет, но в их распоряжении имелись тяжелые минометные системы, которые демонстрировали свою эффективность. Мина, выпущенная из такого миномета, прилетала во вражеские порядки почти вертикально, тем самым игнорируя плазменные щиты. Но лишь интенсивным обменом ударов не обходилось – на участке в пару километров кое-где противник смог приблизиться к позициям десанта в упор, и вдалеке виднелись крупные туши штурмовых Дровосеков, рубящихся с неприятелем врукопашную.

Пока Иван рассматривал бой, таракан отыскал оптический приемник на передовых позициях десанта и лазерным лучом отправил запрос на подключение. И как только процесс соединения завершился, на виртуальной карте появились более четкие позиции как десанта, так и противника. Силы Федерации на этом участке фронта сдерживали врага в ожидании орбитального удара на головы неприятелю. В этом и заключалась тактика расширения плацдарма, иначе потери при лобовом штурме будут просто катастрофическими. Единственная загвоздка состояла в том, что численность орбитальной группировки не позволяла постоянно держать корабли над зоной боевых действий. Поэтому флот наносил максимально возможный ущерб противнику за тот промежуток времени, пока он проносился над зоной высадки, а затем уходил на новый виток вокруг планеты. После этого десант делал рывок вперед, продвигаясь на несколько километров, и цикл повторялся.

Иван подумал, что при достаточном количестве кораблей на орбите численность противника на планете не будет иметь никакого значения – у него просто не появится шанса, разве что закопаться глубоко под поверхность. Еще Ивана удивляло отсутствие какой-либо вражеской авиации. Машин, способных держаться над поверхностью, у Федерации нет, и это понятно – безатмосферная планета требует постоянной работы реактивных двигателей как для того, чтобы не свалиться на поверхность, так и для движения по горизонтали, а значит, расход топлива будет соответствующим, что в условиях штурма планеты превращает подобные машины в одноразовые. Но вот почему противник их не использует, имея возможность взлета

с поверхности и возврата обратно для дозаправки, остается загадкой. Причем такими машинами неприятель мог бы компенсировать отсутствие своего флота на орбите. Все эти факторы превращали текущие бои в бои эпохи начала двадцатого века, правда, с примесью современных технологий, но, как и когда-то, грубая сила давила такую же грубую силу.

После ознакомления с обстановкой Иван стал прикидывать диспозицию: передовые порядки десанта находились от него в километре, а противник на глубину до четырех. Та часть территории, где располагался враг, была не так разрушена, и виднелись еще целые строения неизвестного назначения и просто неприличное количество еще более-менее целых транспортных магистралей. Поэтому противник спокойно применял колесную технику, и Иван впервые наблюдал мобильные постановщики щитов – они были точно такими же, как и те, что он видел в хрониках первого контакта. Тем временем натиск неприятеля не ослабевал, но, несмотря на это, десант держался, хотя и с большими усилиями.

Наблюдая за картиной боя, Иван пытался придумать, как пересечь линию фронта незамеченным, чтобы выполнить приказ, озвученный ему еще до спуска на поверхность.

* * *

– Говорит майор Грайнер, командующий сто семьдесят вторым сектором. – В наушниках послышался хриплый и взволнованный голос. – Ситуация на моем участке тяжелая. Большие потери среди личного состава, боеприпасов хватит еще на двадцать минут интенсивного боя. Запрашиваю помощь.

Для Ивана голос Грайнера оказался неожиданностью. Он так увлекся размышлениями о предстоящей вылазке и наблюдением за боем, что позабыл о том, что его таракан подключился к сети подразделения, стоящего сейчас на передовой. Поэтому он сначала дернулся, а затем замер, вслушиваясь в слова. Грайнеру ответил спокойный голос девушки диспетчера:

– Майор Грайнер, командование знает о вашей ситуации. Орбитальный удар в секторе сто семьдесят два ожидается через сорок минут.

– Вы совсем там охренели, у меня нет этих сорока минут! – зло выпалил Грайнер.

В канале наступила тишина, но через минуту все тот же женский голос продолжил:

– Майор Грайнер, командование направило двух жуков из резерва на ваш участок. Держитесь, майор, помощь идет.

– И на том спасибо, – обреченно ответил Грайнер.

А в это время количество участков, на которых шли рукопашные бои, увеличилось, и если позиции десанта сомнут, то доберутся и до его подразделения, тогда ни о каком выполнении приказа уже не будет и речи. Эти мысли проскочили у Ивана в голове, и он начал действовать. Его подразделение добралось до этих позиций, потеряв шесть пар из пятидесяти, и по статистике это очень хороший результат, но по прибытии бойцы заняли позиции на их усмотрение, поэтому после недолгого осмотра руин он быстро набросал карту огня подразделения и распределил людей так, чтобы охватить весь участок предстоящей работы.

Пока подразделение занимало новые позиции, Иван снова посмотрел на происходящее на передовой. Противник перестал бить из дальнобойных и плазменных орудий по позициям десанта, так как там уже практически по всей линии находились вражеские силы. Поэтому нужно было действовать немедленно, и Иван ничего лучше не придумал, кроме как попытаться точным огнем выбить самые опасные цели, например крупных роботов, называемых великанами, которые благодаря своей броне, весу и вооружению представляли собой наибольшую угрозу. Его уверенность в успехе была небезосновательной. Имея на вооружении своих людей стрелковый комплекс «Гром 31» с электромагнитным доразгоном пули и автоматические пушки «Тор» у стальных напарников, также с доразгоном снаряда, подразделение могло вести результативный огонь на дистанции до десяти километров. Это обусловлено тем, что

в условиях отсутствия атмосферы пуля или снаряд не теряли своей скорости и убийности за счет сопротивления воздуха, – на траекторию полета влияла лишь гравитация. Можно бить и на более дальнюю дистанцию, но в таких условиях требуется корректировка стрельбы непосредственно на месте, где находится цель.

Когда пришло оповещение, что все заняли свои позиции и готовы открыть огонь, Иван уже изнывал от нетерпения, хотя прошло всего минуты три. Но даже этих трех минут планетарному десанту хватило с головой – их практически подавили, и на некоторых участках начался отход, которые прикрывали небольшие группы дровосеков.

– Внимание, – вкрадчиво произнес Иван в гарнитуру. – В первую очередь выбиваем великанов и только после этого мелочь. По моей команде, – он быстро указал на виртуальной карте заранее отмеченные точки обстрела, которые, по его мнению, имеют наибольший приоритет и коротко произнес, – огонь.

В ту же секунду почти сто стволов сделали слитный залп. Электромагнитный доразгон по своему устройству снижал скорострельность, поэтому только через три секунды был произведен следующий залп, а затем еще и еще. Сам Иван не вел огонь, наблюдая за результатами, чтобы в случае необходимости скорректировать стрельбу. А результаты не заставили себя ждать: если от попадания «Грома» роботы противника просто падали и некоторые уже не пытались встать, то от попадания «Тора» их просто выворачивало изнутри взрывом.

Иван приблизил изображение одного из великанов, который прятался за мобильным щитом и периодически делал шаг за его край, производя пару выстрелов из своей здоровенной пушки. На одной из таких попыток выстрелить его и подловил чей-то стальной напарник. От первого попадания Тора плечевой сустав робота разлетелся на куски и правая рука отделилась от туловища. Удар был такой силы, что во все стороны полетели искры и капли расплавленного металла, а робота развернуло на девяносто градусов. Ровно через три секунды то же самое произошло и с его коленным суставом, заставив робота упасть на целое колено и опереться о поверхность еще работающей рукой. Через очередные три секунды контрольный снаряд вошел в подставленный бок, прямо под руку, и от этого корпус робота на мгновение слегка распух, а затем от мощного взрыва его голова катапультировалась вместе с внутренней начинкой. Это была отличная демонстрация нового вооружения на реальных целях, и Иван даже слегка улыбнулся от результатов наблюдений.

Бой продолжался, и Иван уже потерял счет времени, постоянно переводя огонь с одного участка на другой, но когда пространство впереди осветилось яркой вспышкой, то он понял, что им удалось удержать фронт. В тылу вражеских позиций стали появляться огромные огненные полусферы, которые выбрасывали на большую высоту все, что оказалось в эпицентре взрыва.

– А вот и флот подоспел, – пробормотал Иван и машинально посмотрел туда, где предположительно должны находиться корабли на орбите, но, естественно, ничего не увидел.

Напор врага тут же спал, и совместно с остатками десанта люди Ивана смогли уничтожить оставшиеся силы противника. А как только упал последний вражеский робот, позиции накрыло дождем из крупных кусков грунта и обломков, поднятых орбитальным ударом. И пока все это сыпалось сверху, к Ивану поступил запрос на соединение.

– Третий лейтенант Марченко, слушаю, – спокойно проговорил он в гарнитуру, как только подтвердил соединение.

– Говорит майор Грайнер, командующий этим участком фронта, – раздался в динамиках хриплый голос. – Спасибо, третий лейтенант, если бы не вы, нам бы пришел конец. Не вижу, что за подразделение у тебя, третий лейтенант, кого мне вписывать в наградные листы командованию?

– Силы специальных операций Стальные Волки, – уже более бодро ответил Иван.

– Тогда все понятно, у вас всегда самые лучшие игрушки.

– Не переживайте, господин майор, у вас скоро тоже появятся такие. На нашем подразделении обкатают и начнут насыщать войска. Скажите, господин майор, что будете делать дальше?

– А что еще остается – раненых бойцов и поврежденных Дровосеков отведу назад и дождусь следующей волны десанта. После чего попробую занять новые рубежи.

– Понятно, тогда удачи вам, господин майор.

После завершения разговора Иван понял, что высадка на планету захлебнулась. Без тяжелой техники, которая будет участвовать в штурмах, планету не захватить. В этом смогли бы помочь жуки – отличные машины, способные некоторое время находиться под огнем противника и обладающие внушительной огневой мощью. Но их не успели произвести в достаточном количестве до вылета, и сейчас на штурм идет, по сути, пехота. Да, еще какое-то время удастся расширять плацдарм ценой больших потерь, но линия фронта будет удлиняться и требовать все больше и больше сил. А еще у Ивана вызывали тревогу нестыковки, такие как отсутствие авиации и, как ни крути, слабая обработка зоны высадки дальнобойными орудиями.

Обдумав еще с минуту эти мысли, Иван задвинул их куда-то в уголки сознания и со словами «Не мой уровень, пусть там наверху думают» начал подготовку к переходу за линию соприкосновения.

* * *

– Командир, мы готовы.

Балабол Родригес в ответственные моменты превращался в настоящего бойца, вот и сейчас, выполняя опасную работу, он доложил по существу, без всяких шуточек и идиотских вопросов.

– Принял. Ожидайте команды, – ответил Иван и принялся в очередной раз осматривать местность на предмет случайных вражеских наблюдателей.

Переход за ленточку получился не таким трудным, как казалось изначально. Продвинувшись вперед вместе с десантом, отряд Ивана оказался перед относительно целым участком местности, на котором также были уцелевшие транспортные магистрали. Они представляли собой массивный одиночный рельс треугольной формы, помещенный на опоры. Все эти рельсы находились на разных высотах, переплетались и переходили друг в друга – в общем, сплошной лабиринт. И один из пролетов обрушился не полностью, поэтому рельс оказался целым, и одна его часть осталась на опоре, а другая, упавшая, – на стороне, занятой планетарным десантом. Беглый осмотр показал, что под рельсом расположен технический коридор, вполне подходящий для перемещения в нем как Волков, так и Дровосеков. После того как тараканы смогли пробраться на ту сторону незамеченными, было принято решение пройти через этот технический коридор всему подразделению.

Ночей как таковых на планете Оршу не было из-за трех светил, которые освещали ее поверхность практически со всех сторон. Но небольшая полоска затененности все же двигалась по планете во время ее вращения вокруг своей оси. Поэтому, дождавшись пока начнет темнеть, подразделение сил специальных операций всем составом перешло по техническому коридору на ту сторону. Да, конечно, при таком развитии технологий обнаружение диверсантов ночью – это не что-то сверхъестественное. Но затемнение в совокупности с возможностью частичной мимикрии ББС бойцов и корпусов роботов под окружающую среду, а также снижение радио- и тепловой сигнатуры давало значимый эффект незаметности. Но все же самым главным компонентом скрытности являлись сами магистрали. Как оказалось, для движения по ним использовалась привычная электроэнергия просто запредельных мощностей, и как раз в техническом коридоре пролегали кабели, которые фонили электромагнитным полем, забывая все помехами. Сам технический коридор предназначался не только для обслуживания, но и

для экранирования этих помех. Любые электронные приборы отказывались работать внутри этих коридоров. Электромагнитное поле было такой силы, что Иван ощущал его всем своим телом. В таких условиях как нельзя кстати проявила себя биологическая составляющая роботов, позволившая им двигаться с полностью отключенной электроникой. Правда, людям приходилось несладко – все-таки ББС весил немало, и без активного экзоскелета тащить все это на себе было довольно тяжело. Но подобные истязательства были регулярными на тренировках, поэтому все справились на отлично.

Оказавшись по ту сторону ленточки, подразделение разошлось по территории противника, используя все те же технические коридоры. В принципе силы специальных операций и создавались для действия небольшими диверсионными группами в тылу врага. Специальная экипировка, навыки подрывного дела, навыки наведения ударов, увеличенный ресурс автономности как ББС бойцов, так и роботов до недели, что в условиях безвоздушного пространства просто жизненно важная необходимость, так как банально сходить оправиться или поесть не получится.

Иван заранее разделил местность на квадраты, где предстояло работать, и каждая группа отправилась на свой участок, при этом связь поддерживалась с помощью лазерных систем и оставленных в ключевых точках тараканов. Поэтому Иван продолжал контролировать всех своих людей в реальном времени, но даже через сутки нахождения на территории противника ничего особо примечательного не удалось обнаружить. Вражеские силы не в счет, их численность и концентрация фиксировалась автоматически и отправлялась в высшие инстанции тоже автоматически. Правда, приходилось устанавливать связь через планетарный десант, так как в этой местности все еще существовал плазменный планетарный щит, затрудняющий связь напрямую через космос. А еще повсюду эти чертовые магистрали – очень много магистралей, по которым проносились контейнеры, но куда они все направлялись, оставалось загадкой, тем более каких-то больших заводов или складов видно не было. Иван задался таким вопросом уже через час нахождения за ленточкой. Да, множество различных строений присутствовали на поверхности, но осмотр нескольких показал, что это своего рода подстанции или узлы распределения электрических мощностей.

На вторые сутки группа Ивана наткнулась на длинное, но приземистое строение, которое являлось узлом для части транспортных магистралей. Интерес к этому зданию был вызван тем, что количество входящих контейнеров значительно превышало количество исходящих. Создавалось впечатление, что сюда приходят контейнеры со всей округи.

– Начинайте, – наконец решил Иван.

Подготовка заняла еще несколько часов, пока Онил и Белов обошли строение и каждый занял свое место наблюдения, образовав вместе с Иваном треугольник, в вершинах которого они и находились. Родригес и Ван И подобрались ближе к шлюзам строения, расположившись под одной из транспортных магистралей, входящих в транспортный узел. Контейнеры, подходящие к шлюзам, замедлялись, и поэтому, когда прозвучала команда начинать, модифицированный Дровосек Ван И несколькими рывками выбрался из технического коридора и ловко забрался на контейнер. За ним, быстро перебирая лапами, влез на крышу один из тараканов, на корпусе которого был закреплен десяток ретрансляторов оптической связи. Далее в дело вступил плазменный резак, с помощью которого Дровосек прорезал небольшое отверстие. Придержав вырезанный кусок металла, чтобы тот не упал, он аккуратно отодвинул его в сторону, и в этот момент со спины Дровосека прямо в проделанный проем соскользнул еще один таракан. После чего Дровосек Ван И так же ловко спрыгнул с контейнера и скрылся внутри технического коридора. Иван отметил, что операция заняла от силы пятнадцать секунд и не вызвала никакого оживления со стороны противника. Тем временем на визоре шлема Ивана появилось изображение, транслируемое тараканом, находящимся внутри контейнера.

– Командир, ты это видишь? – Настороженный голос Родригеса разорвал тишину в канале.

В темноте внутреннего пространства, на стапелях, плотно стояли роботы противника в неактивном состоянии.

– Вижу, – коротко бросил Иван и продолжил всматриваться в изображение.

Вражеские роботы полностью занимали весь объем контейнера, и таракан упал прямо поверх одного из них. Затем картинка пропала, так как контейнер вошел в шлюз, тем самым прервав трансляцию.

– Это что, этими железками забиты все здешние контейнеры? – не унимался Родригес.

– Сейчас все увидим, – все так же, не разбрасываясь словами, ответил Иван.

Перед тем как контейнер скрылся в шлюзе, таракан на внешней обшивке успел установить ретранслятор у самого входа в шлюз, и, когда перед очередным контейнером тот открылся, брови Ивана поползли вверх. Попад внутрь, контейнер, на котором находился таракан, перешел в вертикальное положение и начал быстро опускаться, все глубже и глубже. И, судя по данным, глубина уже достигла километра, а спуск не прекращался, и все это время сканеры таракана продолжали ощупывать внутренние коммуникации.

Перед глазами Ивана проступала схема вертикальной шахты, диаметр которой достигал сотни метров. Также проступали очертания множества горизонтальных тоннелей, находящиеся на разных уровнях шахты. Движение внутри шахты было довольно оживленным, некоторые параллельно идущие контейнеры прекращали спуск и скрывались в этих тоннелях. Некоторые, наоборот, появлялись из горизонтальных тоннелей и устремлялись вверх. Наконец, на глубине двух километров контейнер с тараканами также остановился и, пройдя переход на горизонтальный рельс, двинулся по тоннелю. В тоннеле также имелись вертикальные и горизонтальные ответвления. Все это было похоже на огромный механизированный муравейник.

Когда Иван наблюдал за всем этим, его посетила мысль, от которой побежал холодок по спине. В надежде, что ошибается в выводах, он развернул перед собой карту разведанной местности и наложил на нее схему шахты, после чего убедился, что, к сожалению, не ошибся. Зеленый маркер, обозначающий контейнер с тараканами, двигался точно по направлению к зоне высадки. Иван резко смахнул изображение и скороговоркой выдал в эфир:

– Белов, Онил, отправляйте мины к шлюзам. Родригес, Ван И, уходите на позицию три. Я пока сообщу командованию.

– Командир, мне кажется, уже поздно...

Голос Родригеса звучал как-то обреченно, и через мгновение Иван понял почему.

В командной сети подразделения стали появляться сообщения высшего приоритета об обнаружении противника, но Иван даже не стал их просматривать, так как собственными глазами видел, как на высоте около километра над поверхностью к ним приближаются яркие искорки.

– А вот и авиация, – пробормотал Иван, провожая взглядом угловатые объекты, которые были хорошо видны на фоне черного неба, подсвеченные огненными факелами реактивных двигателей.

Глава 2

*Где-то на планете Оршу. То же время
«Связь установлена».*

Сказать, что я был удивлен, – значит ничего не сказать. Я никак не ожидал, что со мной на связь выйдет мозговой центр фрегата, с которого я ранее пытался эвакуироваться. С небольшой задержкой надпись о соединении пропала, и передо мной развернулось стандартное окно общей информации о корабле:

«Фрегат проекта 80201 – Фурия»

Дальше была информация о штатном вооружении, составе команды, энерговооруженности и прочих параметрах. Я их и так знал, но одна строчка привлекла мое внимание:

«Местоположение: Неизвестно».

Это было очень странно. Недолго думая, ткнул на пиктограмму состояния корабля. Также с небольшой задержкой начальная страница сменилась таблицей, сплошь состоящей из красных и редких вкраплений оранжевых строчек. Все еще не понимая, что же происходит, начал пролистывать страницу за страницей, пытаясь разглядеть хоть одну зеленую строчку. Складывалось такое впечатление, что фрегат сейчас представляет собой груду металлолома.

Проведя пару минут размахивая руками перед виртуальной таблицей, я мысленно хлопнул себя по лбу и полез в журнал событий. Но и здесь меня ждал сюрприз: прочитав последние записи, я уставился в одну точку и простоял так еще минут пять. Как оказалось, после того как я отключился, системы фрегата не смогли удержать корабль на орбите, и он рухнул на поверхность планеты Оршу. И тут наступает самый интересный момент – журнал обрывается на одной-единственной записи:

«Высота 359 метров».

После чего появляется запись, датируемая десятью минутами ранее.

Так ничего и не прояснив, подумал, что раз я все еще живой, значит, не так уж все плохо. С этой мыслью снова полез в интерфейс управления кораблем и ткнул в иконку с надписью «Связь». Идея заключалась в том, что если я выжил, корабль живой, то, возможно, и еще что-нибудь осталось целым. В зоне моего приема ничего не обнаружилось, кроме корабля, а первая же попытка сканирования непосредственно фрегатом дала результаты. Это могло означать лишь одно: я нахожусь довольно далеко от корабля, и лишь благодаря более мощному его приемопередатчику я смог установить с ним связь. Но это не беда, я могу использовать корабль как ретранслятор для управления уцелевшими устройствами. Приняв это, тут же перестроил канал связи, перейдя на соответствующие протоколы, и начал просматривать результаты сканирования.

Где-то в разрушенных коммуникациях корабля застряли два паука. Без управления со стороны мозга фрегата и без внешних команд они просто впали в ступор, поэтому как только пауки были присоединены к сети, я приказал им найти выход из ловушки. Далее обнаружались Волки, тараканы и пауки разной степени поврежденности, а также небольшие очаги еще работающих систем фрегата, но один из Волков оказался полностью работоспособен, но зажат где-то во внутренних отсеках корабля. Недолго думая, отдал приказ всему этому искалеченному воинству начать исследовать окружающее пространство. Я даже представил, как таракан с треснутым корпусом, скребя обрубками лап, пытается что-то там осмотреть. Хотя мне и представлять не нужно, я и так мог посмотреть, что с моими детищами происходит, правда, без привязки к координатам. Все-таки большинство систем фрегата не работало, и приходилось составлять пазлы из обследованных областей, когда какие-то единицы встречали друг друга.

В основном работоспособными остались системы биологического происхождения, но это неудивительно, так как они способны к самовосстановлению, если в запасе имеются питательный ресурс и подходящая среда. Но ресурса здесь хватало, так как живые клетки могут перерабатывать мертвые, извлекая из них все необходимые вещества, а если где-то сохранились резервуары с питательным веществом, тогда этот процесс будет еще быстрее, но этот ресурс конечен. Возможно, что мозг корабля тоже умер, но со временем смог восстановиться и выйти со мной на связь, и самый интересный вопрос: мог ли я также восстановиться, учитывая особенность своего организма?

Подумав о ресурсах, я полез в меню восстановления корабля и отрубил все, кроме систем связи, вычислительных мощностей, жизнеобеспечения и систем сканирования, которые я ограничил лишь ближним радиусом действия. В космосе этому фрегату уже не летать, а вот осмотреть то место, где он сейчас находится, не помешало бы. Но живой мозг корабля понял команду буквально, и пока я продолжал составлять пазлы, он начал выращивать искусственные глаза системы внутреннего наблюдения снаружи корпуса.

Сигнал о том, что одна из приоритетных задач выполнена, пришел неожиданно, и, смахнув все лишнее, я вывел перед собой результаты. Вырастив глаза на ложноножке, мозг фрегата осмотрелся снаружи и услужливо составил объемное изображение, на которое я сейчас и смотрел. Последнее, что я помню, – это удар в носовую часть фрегата, который полностью снес баки с топливом, но сейчас была изображена лишь корма и часть центральной секции. Конечно, назвать эту изломанную грудку металла и искусственных костей кораблем – это, мягко говоря, не корректно. Корпус оказался переломлен в месте стыка центральной и кормовой части. Форма корпуса вся помята и перекручена. Я хмыкнул, так как увиденное подтвердило мою теорию, что мозг корабля как единая система умер, потому что место, где располагалась основная масса нейронов, просто отсутствовала. А то, с чем я сейчас общаюсь, – это уже другой мозг, выросший из остатков нервной системы. Эффект разрубленного червя, когда из двух половинок получаются два червя, я ранее видел только в лаборатории, а сейчас наблюдал воочию, что подтвердило правильность выбора такой концепции.

Остов когда-то грозной машины располагался вертикально, застряв в каких-то конструкциях искусственного происхождения. На вид конструкции выглядели очень ветхими и непрочными. Также кое-где просматривалась порода. Конечно, рассмотреть все в подробностях не представлялось возможным, так как корабль отрастил глаза только там, куда смог дотянуться еще живыми клетками, а также хорошему обзору мешала крошечная тьма. Но это позволяло предположить, что остатки корабля находятся сейчас где-то под поверхностью. Возможно, то место, куда упал фрегат, не было сплошной породой, иначе от него остались бы мелкие части, разбросанные взрывом от удара, а являлось неким подповерхностным сооружением, перекрытия которого замедлили падение. Тем не менее даже такая картина проливала свет на происходящее. Я смог объединить составленные мной пазлы из разведанных моим воинством инвалидов областей с той картинкой, которую передал мне корабль. Теперь у меня была хоть какая-то точка отсчета координат. Как оказалось, многие тараканы и пауки находились вне корпуса, разбросанные как вокруг, так и по ходу движения корабля вниз. Но оставались еще два вопроса: если мои догадки верны, то на какой сейчас глубине находится корабль, и где же мое тело?

* * *

– А если вот так! – бормотал я себе под нос.

Стальной лом вошел между корпусом Волка, там, где у человека находятся ребра, и остатками зажавшего его стапеля. Действуя ломом как рычагом, я слегка разжал смятую конструкцию, и это позволило высвободить корпус, и я тут же рухнул, так как все еще оставалась

зажатой нога. При падении от веса Волка конечность высвободилась, но это уже никак мне не помогло вовремя сгруппироваться. Наконец многочасовой труд увенчался успехом.

Через несколько часов составления карты местности из пазлов мне все это порядком надоело. Ничего нового узнать не получилось, а свое местоположение я так и не смог вычислить, поэтому решил отвлечься. К этому моменту большая часть возможностей моего мозга восстановилась, что позволило расширить функционал, а точнее, вернуть его к номиналу. И я вспомнил об уцелевшем, но застрявшем Волке. Дело в том, что мой имплант позволяет управлять моим телом в реальности прямо из моего виртуального мира, но сейчас этого делать нельзя ввиду состояния того самого тела. Поэтому я подумал: «А почему бы не попробовать управлять Волком как собой?» И эта задача поглотила меня полностью.

В принципе все элементы для осуществления подобного эксперимента были в наличии. Используя диагностические протоколы, я мог отключить мозг Волка и передавать его периферической системе отдельные команды, например, пошевелить пальцем или повернуть голову, а также получать обратный отклик. С другой стороны, имелся механизм сопряжения моего виртуального тела с реальным, с передачей всех ощущений. Оставалось только обмануть этот механизм, заменив мое реальное тело телом Волка, написав программу-посредника. Сложность заключалась в том, что Волк, мягко говоря, сильно отличался по пропорциям тела от человека, не говоря уже об органах осязания.

Первые эксперименты я проводил, используя виртуальную копию Волка, и эта копия вполне резво ходила, бегала, приседала и вытворяла прочие акробатические штуки, повторяя мои движения. Но когда я на радостях от успеха активировал обратную связь, начались проблемы с передачей сигналов от нервной системы Волка в мой мозг. Например, когда я прикасался пальцем виртуального Волка к поверхности, то вместо того чтобы ощущать касание своим пальцем, я ощущал это касание своей задницей, а давление на стопы ощущал спиной. Устранение этой проблемы заняло больше всего времени, но в итоге и это удалось.

Первое подключение к реальному Волку можно охарактеризовать одним словом – «бревно». Мне явно не хватало всех тех ощущений, которые я получал от своего тела, – это словно все онемело, а местами просто ничего чувствуется. Но добавились такие экзотические ощущения, как видеть радиоволны, слышать запах и чувствовать цвет. С подобными казусами я не смог справиться программно, так как у человека просто нет стольких каналов поступления информации от окружающей среды, как у Волка. Но спустя час наблюдения подобной психоделической картины я все же немного привык и принялся уже, пожалуй, себя освобождать из капкана.

– Да чтоб тебя! – чертыхнулся я, не успев подставить свои деревянные конечности, когда падал на уцелевшую переборку корабля.

Не торопясь поднялся на ноги, включил фонари Волка и посмотрел вверх. Когда фрегат пробивал перекрытия, то какая-то металлическая балка гигантских размеров вошла в корпус и, смяв внешнюю обшивку, деформировала внутренние помещения, где я сейчас и находился, а вместе с ним и стапель, на котором был закреплен Волк. Еще несколько Волков на таких же стапелях просто раздавило в лепешку, а мой оказался самый крайний. Насмотревшись на капкан, из которого выбрался, я обратил внимание на выход, ведущий в центральный коридор. Корабль находился в вертикальном положении, и по ту сторону створок хранилища виднелась ребристая поверхность центрального коридора, который превратился в колодец глубиной десятки метров. И единственный доступный мне сейчас выход наружу оказался в кормовой части, там, где находятся сопла корабля, а значит, нужно заняться альпинизмом. Да, здесь гравитация ниже, чем на Земле, но с моим навыком управления Волком это плохая затея, поэтому я с помощью штатного лома раздвинул створки и передал управление роботом его же мозгу, при этом оставив обратную связь для лучшего вхождения в образ. И Волк, получив приказ, начал восхождение.

Перебираясь от скобы к скобе, Волк осторожно поднимался вверх. Его фонари освещали внутренние стенки изгибающегося от повреждений коридора, создавая ощущения нахождения во внутренностях гигантского животного. Следуя движению корпуса Волка, лучи света периодически выхватывали из тьмы клубящуюся мелкую пыль, свисающие провода и проемы отсутствующих сервисных люков. На первый взгляд все, что я наблюдал, казалось мертвым, но это только на первый взгляд. Поднимаясь все выше, я заметил уже третий искусственный глаз, торчащий из стены и пристально наблюдающий за мной. Где-то там, в недрах этой развалины, теплилась жизнь, которая сейчас боролась за свое выживание, и почему-то мне не хотелось оставлять здесь это хоть и искусственное, но живое существо. Но с этим разберемся потом, а сейчас наружу.

* * *

То, что я непонятно где оказался, наедине с кучей искалеченных роботов, да еще и не могу найти своего тела, по идее должно было на меня давить психологически, но мой имплант мастерски жонглировал гормонами в моем организме, заставляя меня быть сосредоточенным, немного легкомысленным и навеселе. Поэтому, стоя среди гигантских магнитных сопел фрегата, я восхищался эпичным зрелищем, задрал голову вверх. Проваливаясь все глубже и глубже, корабль проделал огромную дыру. Отчетливо различались перекрытия этажей или уровней, которые уходили вверх. Лучи фонарей дотягивались максимум на метров пятьсот, а дальше просто рассеивались, но слабенький радар Волка добивал на пару километров, и это явно была не поверхность планеты, значит, я нахожусь еще глубже.

– Интересно, а здесь пожарная лестница есть? – произнес я и, опустив голову, задумался.

Конечно, Волк никаких звуков не издал. Во-первых, в вакууме это просто невозможно, а во-вторых, у Волка просто отсутствовала такая техническая возможность. Поэтому я произносил и слышал свою речь в виртуале, но вот почему, разрабатывая Волков, я не предусмотрел такой возможности, непонятно. Мне стало интересно, как мои создания будут выражать свои мысли вербально. И очередная задача отправилась в мою записную книжку, но подумав еще немного, я добавил приписку: «Осторожно». Такие эксперименты могут привести к самым неожиданным результатам. Достаточно представить, что собака сможет говорить, и, может, поначалу это будет забавно, но что она скажет, если поймет, что ее отправляют на смерть?

После любования огромной дырой я отбросил все лишние мысли и сосредоточился на поиске своего тела. Если канал, соединяющий меня и корабль, имеет хорошую пропускную способность и устойчив, значит, между нами нет больших препятствий, а учитывая, что мой приемопередатчик напрямую не видит мое стальное воинство, можно предположить, что мое тело находится на расстоянии от километра до пяти. Остается лишь выяснить, пять километров по горизонтали или вертикали?

Выйдя из режима управления Волком, я снова обратился к обзору того, что мои подопечные сумели исследовать, а конкретно меня интересовал сам корабль. Вращая перед собой объемное изображение остова фрегата, я нашел то место, где располагалась стартовая шахта моей спасательной капсулы. Так как данные с этого отсека не поступали, пришлось рассматривать все по старинке. Приблизив изображение, я убедился, что шахта пуста, а значит, капсула вместе со мной была отстрелена. И, скорее всего, это произошло еще до того, как фрегат остановился, застряв окончательно. Мне на ум приходят лишь две возможности найти свое тело. Дело в том, что каждая капсула снабжена маяком, на который можно взять пеленг, но сейчас в эфире тишина, а значит, он сломан и единственным ориентиром может служить лишь мой собственный сигнал. Для того чтобы им воспользоваться, нужно собрать еще пару мощных приемопередатчиков и триангулировать мой сигнал. Это была бы левая задача, если бы я находился у себя на базе, но когда в твоём распоряжении лишь груда металлолома и команда

инвалидов, такая работа превращается в тот еще квест. Или просто искать ножками. Но в идеале нужно попытаться реализовать оба варианта.

Фрегат застрял между перекрытиями, и, вращая изображение, я обнаружил на одном из этажей довольно большую и ровную площадку. Решив, что это место наилучшим образом подходит для выполнения поставленной задачи, я выбрал парочку более-менее целых тараканов и отправил их на разведку вглубь сооружения на этом этаже. Остальным приказал стаскивать на площадку все, что плохо лежит, так как фрегат не выглядел надежным укрытием ввиду своего состояния. Со словами «Работайте, ребятки, а я пока прогуляюсь!» вернулся к управлению Волком и посмотрел на перекрытие этажа, который располагался приблизительно на уровне с тем местом, где я находился.

Оружия у меня не было, так как стеллаж, на котором оно хранилось, был также размазан по переборке гигантской балкой. Поэтому в правую руку я взял единственное, что мне было доступно, а именно штатный лом, а в левую – панель от кожуха сопла двигателя, которую сам же и оторвал. Предварительно оставив в начале пути один из оптических ретрансляторов, имеющихся у каждого из Волков, я как заправский средневековый воин начал медленно продвигаться вперед. Пройдя метров пятьдесят, убедился в своих первоначальных выводах о возрасте этого места. Без взятия проб точно определить, сколько именно лет, невозможно, но судя по состоянию и налипшей пыли, – сотни. И принимая во внимание отсутствие следов, можно сделать еще один вывод: я здесь первый посетитель за многие годы. Но это не значит, что можно расслабиться и идти прогулочным шагом. Несмотря на ветхий вид, коридор, по которому я шел, выглядел технологичным. В основе стен потолка и пола использовался местный аналог бетона, но помимо этого, имелись проложенные в каналах кабели, щитки, остатки осветительных приборов, и нечто, похожее на датчики системы внутреннего мониторинга коридора, и прочие свидетельства технологически развитой цивилизации. И хотя с помощью сенсоров Волка я не наблюдал подачи энергии ни в одну из систем, активация охраны может быть и механическая, поэтому нужно быть очень осторожным.

Я медленно двигался вперед по коридору, и мои осторожные шаги поднимали небольшие облачка пыли, которые в отсутствие атмосферы быстро оседали обратно. Впрочем, я перестал обращать на это внимание, так как следил за светом от фонарей Волка, которые выхватывали из тьмы мертвые устройства и гладкую поверхность стен. Пройдя еще немного вперед, я вышел на перекресток и осмотрелся. По левую руку, буквально через метров пять, коридор упирался в широкую, наглухо запертую гермодверь. По правую была та же картина. А впереди продолжался коридор, но через метров тридцать виднелся такой же перекресток. Меня одолело любопытство, и, установив еще один ретранслятор прямо на перекрестке, я шагнул вправо.

На первый взгляд гермодверь выглядела внушительной: круг диаметром пять метров, висящий на двух массивных петлях и герметично перекрывавший проход. Но в местах примыкания наружу начала проступать ржавчина. Это могло произойти только в одном случае: если с той стороны присутствует атмосфера и кислород, который и окислил металл. Я поднял правую руку и посмотрел на лом, который держал. То, что произошло дальше, можно описать лишь одним словом – «повезло». Используя мощь Волка, я с размаху вогнал лом в самый, на мой взгляд, подходящий участок, обильно покрытый ржавчиной. Лом, способный проламывать броню роботов, вошел почти наполовину и застрял там. Не останавливаясь на достигнутом, обхватил его двумя руками и попытался продавить дальше, но он словно уперся во что-то твердое и никак не хотел поддаваться. Сделав еще несколько подходов, я обратил внимание на лежащий на полу импровизированный щит. Недолго думая, поднял его и, как следует размахнувшись, ударил по торчащему лому. В тот же миг почувствовал сильный толчок, который развернул меня и швырнул на пол.

– Да чтоб тебя!.. – чертыхнулся, быстро передавая управление мозговому центру Волка.

Подчиняясь посылу об опасности, Волк тут же вскочил на ноги и приготовился встречать угрозу. Но в течение нескольких минут так ничего и не произошло, поэтому я снова вернул себе контроль и начал осматриваться. Первым делом посмотрел на то место, где ранее торчал лом, и луч фонаря выхватил из тьмы небольшую струю какого-то газа, струящегося из проделанной мной дыры. Как оказалось, лом пробил створку насквозь и, испытывая давление со стороны помещения, вылетел как снаряд, оттолкнув мой щит и тем самым сбив меня с ног. Его я нашел у противоположной створки, но не стал повторять подвиг и вернулся обратно – ждать, пока вся атмосфера выйдет наружу.

Через десять минут все закончилось, но время ожидания натолкнуло меня на мысль, что с той стороны довольно большое помещение. И только подойдя в упор и заглянув в отверстие, я понял, как мне повезло. А все потому, что я все еще человек и поэтому совсем забыл о наличии у Волка плазменного резака, которым я мог срезать петли и штыри, запирающие гермодверь. Но если бы я это сделал, то меня просто сбilo бы этой дверью, и не факт, что Волк остался бы цел. Тем не менее, глядя в отверстие, я так ничего и не увидел, поэтому решил воспользоваться помощью братьев меньших.

Контейнер легко вскользнул из ниши, отрывшейся на боку Волка. В моих руках он раскрылся, демонстрируя муравьев в количестве пяти штук. Внешне они выглядели как точная копия земных муравьев, но размером с мизинец. Правда, внутреннее наполнение этих крох сильно отличалось от их прообраза. Воспользовавшись виртуальным интерфейсом, отдал команду на активацию и несколько секунд наблюдал, как эти крохи просыпаются. Сначала они расправили свои ножки, а затем старательно смазали их специальной секретией, выделяемой из отверстий на брюшке. Пока они приводили себя в порядок, я поднес контейнер к отверстию, которое проделал лом. Поначалу неохотно, но затем более шустро муравьи-переростки стали перебирать лапками, один за другим устремляясь в дыру. Когда последний скрылся, я вернул контейнер обратно в нишу и в ожидании картинки вывел перед собой пять виртуальных экранов. И как только появились первые кадры, я почувствовал, как по моей виртуальной спине пробежал холодок.

* * *

Коридор озарялся вспышками от плазменной горелки, создавая причудливые тени, отбрасываемые корпусом Волка. Место, где сейчас бушевал факел, выглядело как страшная рана, светящаяся в темноте, из которой на пол капала кровь в виде раскаленного металла, рассыпаясь искрами от удара.

– Ну, вот и все, – пробормотал я, выключив резак.

Последний рез был закончен, и теперь гермодверь ничего не держало, кроме прошедших веков и ржавчины. Воспользовавшись все тем же ломом, я слегка расшатал ее, а затем потянул на себя и тут же отбежал назад, как только заметил, что она начала вываливаться из своей посадки. Гермодверь со всего размаха рухнула на пол, не издав ни звука, лишь подняв тучу пыли. Правда, вес этой многотонной конструкции я ощутил через вибрацию пола, передающуюся ногам Волка. Поднятая пыль полностью перекрыла мне обзор, и я машинально начал размахивать рукой, пытаясь ее развеять, но в вакууме пыль ведет себя совсем по-другому. Она не следует за потоками воздуха, вызванными движением руки, а продолжает двигаться по изначальной траектории и, встречаясь с рукой, просто налипает на нее.

После бесплодных попыток разогнать пыль я просто дождался, пока она осядет сама, и встал на гермодверь. Опустив фонари вниз, я рассмотрел то, что передали мне муравьи. Внутренняя сторона двери, начиная от середины до пола, была посечена множеством ровных и не глубоких, но хорошо заметных борозд. Подняв фонари и направив их в открывшийся проем, я увидел тех, кто оставил эти борозды. Прямо у проема лежало большое количество

останков некогда живых существ. Их было так много, что куча истлевших останков возвышалась на метр от пола.

– Что же здесь произошло? – задал я вопрос в пустоту и приблизился к останкам.

Я, конечно, не антрополог, но могу точно сказать, что таких существ человечество еще не встречало. Судя по строению скелета, эти существа были человекоподобными: две руки с развитыми пальцами, две ноги и голова, череп сильно сплюснут со стороны лица. Я снова посмотрел в сторону валяющейся гермодвери. Похоже, их заперли здесь, и эти существа очень сильно хотели выбраться, настолько хотели, что стерли свои пальцы о металл двери. Данную теорию подтверждали поврежденные крайние фаланги пальцев у лежащих передо мной скелетов.

– Ладно, посмотрим, что это за место. – С этими словами я повернулся и зашагал вглубь помещения.

Его размеры были внушительными – тридцать метров в ширину, пять в высоту и длиной около ста. По правую сторону находились какие-то устройства, понять назначение которых не представлялось возможным из-за их плачевного состояния. Все остальное пространство было заставлено остатками многоуровневых лежаков или кроватей. По крайней мере, все эти конструкции были похожи на кровати, так как на многих остались лежать их последние хозяйки. Я не стал идти дальше, смотреть там нечего: куда бы ни падал свет моих фонарей, повсюду виднелись лежаки, и я просто завертелся на месте. Навскидку здесь было заперто несколько сотен существ, и все это хотелось назвать одним словом – «могильник».

Все, что хотел, я увидел, поэтому направился на выход, лишь на мгновение задержавшись у входа. Пока стоял, выпущенные мной муравьи выбрались из кучи костей и резво забрались на ногу. Как только последний муравей оказался на мне, я снова забрался на упавшую гермодверь и направился к противоположному проходу. Вторую дверь я не стал вырезать, а лишь проделал ломом отверстие и запустил туда муравьев. Убедившись, что и за второй гермодверью та же картина, я направился дальше по коридору до следующего перекрестка.

По пути я обнаружил еще шесть подобных могильников и в конце уперся в гермодверь, перекрывающую основной коридор. Прежде чем приступить к вскрытию, я обернулся, осветив пройденный путь, и задумался. У меня сложилось впечатление, что этих существ изолировали в этих могильниках, но странность заключалась в том, что оборудование, которым оснащен коридор, сильно отличалось от того, что находится внутри могильников. Несмотря на состояние, невооруженным взглядом видно, что устройства в могильниках технологически выше уровнем. Это может быть только в том случае, если эти подземные уровни долгое время были заброшены и заново освоены уже с новым техническим уровнем, а затем снова брошены. Вполне возможно, что данный коридор и ближайшие этажи – это памятники первой колонизации этой планеты.

– С историей разберемся потом, а сейчас нужно отсюда выбираться. – Озвучив вердикт, я снова повернулся к двери и принялся за работу.

Последняя гермодверь отняла у меня столько же времени, сколько и первая, только в этот раз сразу пришлось ее резать и выдавливать вперед, так как за ней также был вакуум. И когда она поддалась, то не упала на пол, как я ожидал, а рухнула куда-то вниз, что позволило мне сразу же заглянуть в образовавшийся проем, не дожидаясь осадения пыли. Я шагнул вперед, и лучи фонарей Волка осветили пространство, что заставило меня слегка улыбнуться.

– Похоже, независимо от цивилизации, мысли о колонизации без атмосферных планет одинаковы у всех, – бормотал я себе под нос, направляя свет то в одну, то в другую сторону.

За вскрытой гермодверью находился так знакомый мне кольцевой тоннель, диаметром около пятидесяти метров, очень напоминающий те, что возводит моя компания при постройке поселений на Луне и других космических телах. Взглянув себе под ноги, обнаружил упавшую гермодверь, которая лежала на рельсах транспортной системы, метра три ниже того уровня,

где я сейчас стоял. Похоже, что древние строители спроектировали тоннель таким образом, что попасть в ответвление можно только с транспорта, курсирующего по этому тоннелю. Хотя нет, правее имелась металлическая лестница, видимо, на всякий случай.

Привычно оставив ретранслятор в проеме, я спустился. Как и в моем варианте тоннеля, здесь он разделялся на транспортную часть и техническую, где проложены коммуникации, а значит, должен быть переход на уровень ниже и выше. Разницы, куда идти, не было, поэтому с желанием найти переход двинулся вправо. Сам тоннель выглядел таким же заброшенным и обесточенным, как и тот коридор, из которого я пришел. Через сто метров понял, что слово «заброшенный» не совсем подходит к тому, что я наблюдаю, скорее сюда больше подойдет «законсервированный». Да, пыль присутствовала, но не было ни мусора, ни разрушений – все выглядело так, будто его закрыли и просто выключили.

Через пятьсот метров пришлось поставить еще один оптический ретранслятор, так как внутренняя стенка тоннеля перекрывала луч от предыдущего ретранслятора. Следующий ретранслятор установил, пройдя еще двести метров и обнаружив тот самый переход. В этом месте тоннель делился на две части: одна продолжалась прямо, а вторая уходила вниз, как раз туда, куда мне нужно. Сразу не стал спускаться, передал управление мозгу Волка, а сам вернулся в свой виртуальный мир и развернул перед собой карту разведанной территории. Нужно понять, где находится тот уровень, где сейчас трудятся мои, такие родные, стальные насекомые. Как и предполагал, спустившись ниже, я должен попасть в тоннель, на уровне которого находится площадка, куда сейчас стаскиваю все, что может быть полезно.

– Ну, вот и отлично, ребятки, держитесь, я скоро буду, – с улыбкой произнес я и снова взял Волка под контроль.

* * *

Гиперпространство в окрестностях системы Хадар. Виртуальный центр управления силами вторжения. Оперативное совещание командования

Высадка на планету шла не совсем так, как хотелось. Поначалу планетарный десант вполне удачно высадился и стал расширять плацдарм, но по мере увеличения протяженности линии соприкосновения этот процесс практически застопорился. И Нечаев прекрасно понимал причины происходящего, но его смущало то, с какой легкостью осуществлялась высадка. Зная возможности вражеских сил и их оснащение, можно предположить, что силам Федерации просто дали высадиться. Даже Земля оказала большее сопротивление, чем набитая военной техникой вражеская планета. Все это подводило Нечаева к нехорошим мыслям. В принципе он изначально не верил в успешность плана по быстрому захвату планетоида, но других вариантов просто не было. И стоя перед виртуальной картой местности, где находился плацдарм, он морщил лоб, пытаясь осмыслить то, что ему говорит командующий планетарными силами генерал Пол Уолтерс, параллельно размышляя о возможных вариантах ловушки.

– Господин главнокомандующий, несмотря на удары с орбиты, натиск противника не ослабевает. А наши силы, наоборот, истощаются.

– И что вы предлагаете, Пол?

Задав вопрос, Нечаев закинул руки за спину и подошел ближе к карте, рассматривая тактические пиктограммы. Он, конечно, плохо разбирался во всех этих обозначениях, лишь в общих чертах. Все-таки он выходец из авиации, и космические бои ему ближе, чем наземные операции.

Пока Нечаев рассматривал карту, генерал Уолтерс обернулся к своим советникам, словно пытаясь найти поддержку. Затем прокашлялся в кулак и сказал:

– Нужно садиться в глухую оборону, укреплять уже захваченный плацдарм и готовить свежие силы. – Договорив фразу, Уолтерс машинально вытер со лба несуществующий пот.

Нечаев уже хотел задать вопрос и даже поднял руку, указывая пальцем на карту, но, посмотрев на генерала, с возмущением произнес:

– Пол, да не тряситесь вы так. Оглянитесь, где мы находимся. – Нечаев обвел пространство рукой.

Главкомандующий любил наблюдать за окружающей обстановкой, но в данный момент физическое местонахождение центра управления было в гиперпространстве, поэтому в виртуальную среду транслировалась картинка с кораблей на орбите планеты Оршу. Люди словно парили над поверхностью планетоида в окружении множества звезд и трех ярких светил системы.

– Мы находимся так далеко от Земли, – продолжил Нечаев, – что свет, покинувший Солнечную систему, начал свой путь во времена русско-турецких войн девятнадцатого века. Еще никто и никогда из людей не преодолевал такие расстояния. Мы никогда не вели бои такими крупными флотами, никогда не высаживались на вражескую планету и еще много чего никогда. Не думаю, что в таких условиях кто-то, кроме вас, смог бы спланировать операцию лучше. Сейчас мы учимся, хоть и ценой жизнью наших людей. Так что давайте сделаем так, чтобы эта наука пошла на пользу тем, кто придет после нас. – Нечаев еще раз ткнул в сторону карты и спросил: – Что конкретно вы предлагаете?

Генерал приосанился, поправил форму и уверенно заговорил, сопровождая свои слова демонстрацией на карте:

– Сил, чтобы продолжать расширение плацдарма, практически не осталось. Но и площадь плацдарма недостаточна, чтобы обезопасить хотя бы зону высадки от ударов противника...

– Короче, генерал. Я и так это все знаю, – перебил его Нечаев.

– Да, сэр. Обороняться сплошным фронтом у нас просто не хватит сил, и рано или поздно нас сомнут. Поэтому я предлагаю создать оборону, основанную на опорных пунктах. – На карте в центре появилась окружность, заштрихованная линиями зеленого цвета, а вокруг нее множество окружностей поменьше. – Системами «Купол» не пытаться прикрыть весь плацдарм, а сосредоточить их только в этих опорниках и в зоне высадки. Таким образом мы сможем обеспечить достаточную плотность противоракетного и артиллерийского зонтика, а каждый опорный пункт будет способен прикрыть огнем соседний. Главная задача – продержаться до прибытия подкрепления. Конечно, снабжать такую оборону будет сложнее, но мы можем сбрасывать припасы непосредственно в каждый опорный пункт.

– Еще бы знать, когда они придут, эти свежие силы, – взгляды в карту, тихо произнес Нечаев, а затем повернулся к офицерам и уже громче спросил: – Может, у кого-то будут возражения?

Но по лицам присутствующих было видно, что им нечего добавить.

Тогда Нечаев снова обратился к Уолтерсу:

– Генерал, вы уверены, что планетарный десант сможет удерживать плацдарм долгое время? Может, стоит их эвакуировать?..

– Уверен, сэр, – без колебаний заявил генерал.

– Что ж, действуйте, Пол.

– Спасибо за доверие, господин главнокомандующий, – обозначил четкий поклон Уолтерс.

Нечаев уже хотел отправить всех исполнять свои обязанности, как неожиданно взвывла тревога. Карта резко очистилась от лишней информации и слегка отдалилась, а рядом в пространстве появилась уменьшенная копия планеты с указанием места, где произошло событие, вызвавшее тревогу. Но и без этого было понятно, что что-то происходит в границах плацдарма.

Все замерли, взгляды в изображение местности, и по мере поступления информации на карте появлялись красные выноски, указывающие на происшествие. Их становилось все

больше и больше, и первым очнулся Нечаев. А в отдельном окне начали сыпаться доклады о столкновении с противником.

– Что происходит? – ни к кому конкретно не обращаясь, задал он вопрос.

Как и следовало ожидать, во взглядах присутствующих можно было прочесть тот же вопрос. Те временем из плоскости карты стали появляться объемные кубики, от которых тянулись линии в определенное место на карте. Нечаев недолго думая дотронулся до одного из них, и кубик развернулся в отдельное окно, в котором тут же начала воспроизводиться видеозапись.

Съемка велась одним из тараканов, который находился на возвышенности, в метрах десяти над поверхностью. Благодаря этому он контролировал сектор площадью несколько квадратных километров. Как раз в этот момент очередная группа планетарного десанта двигалась в сторону передовых позиций. Внезапно на самом краю видимой зоны, в метрах ста от отряда, появилась вспышка, и таракан тут же перевел на это место свое внимание. Изображение приблизилось, но из-за поднятой пыли рассмотреть что-либо не представлялось возможным. Сверху еще падали куски породы и обломки строительного материала, поднятые взрывом, когда в пыли сначала начали проявляться темные силуэты, а через мгновение замелькали вспышки выстрелов. По стечению обстоятельств отряд планетарного десанта оказался небольшим – состав всего трех спускаемых капсул. Три командира, не ожидавшие такого, тут же приказали своим отделениям залечь, но, правильно оценив ситуацию, поспешили распылить маскировочный аэрозоль, и тридцать Дровосеков, вскочив, помчались навстречу врагу, ведя огонь из всего вооружения, что у них имелось. В то же время люди, прикрываясь контратакой и временной маскировкой, стали отходить навстречу очередной волне десанта.

Дровосеки, потеряв под шквальным огнем восемь своих собратьев, смогли подобраться вплотную к атакующему противнику и вступить в рукопашный бой. Их внушительные темные силуэты кружились в облаке пыли, нанося врагу сокрушительные удары. То и дело появлялись вспышки взрывов и россыпь искр при ударах металла о металл, которые засвечивали область видимости. Это было похоже на причудливый танец – танец смерти, но каждый сторонний наблюдатель понимал, что у них нет никаких шансов, так как роботов противника было слишком много и они продолжали прибывать из центра этого пылевого облака. Спустя минуту все было кончено. Тем не менее отчаянная контратака Дровосеков не оказалась напрасной – их командиры смогли уйти достаточно далеко, чтобы оказаться в относительной безопасности.

– Я начинаю задумываться о наградах для наших стальных бойцов, – неожиданно для самого себя заявил Нечаев.

Быстрый просмотр еще нескольких кубиков показал, что в остальных точках происходит подобная ситуация. А апофеозом всего этого стало выявление сотен летящих целей, движущихся из вражеского тыла в сторону плацдарма. Нечаев смотрел на все это и думал о том, что сейчас ловушка захлопнется. Но оставался один вопрос: как вражеские роботы смогли попасть в зону плацдарма? Он не успел додумать эту мысль, как в виртуальном пространстве появились аватары Турова и Лукашевича, лица которых были встревожены.

– Разрешите, господин главнокомандующий, – сходу обратился Туров.

– Это срочно?

– Важная информация о планах и силах противника.

– Говори. – Нечаев оторвался от карты и резко повернулся к Турову.

Тот шагнул вперед и выставил руку ладонью вверх. Над его рукой тут же возникло объемное изображение части многоуровневой подповерхностной структуры. На модели были отчетливо видны транспортные тоннели, как паутина окутывающие данную структуру, и Туров принялся комментировать:

– Минуту назад я получил от разведки Стальных Волков доклад, в котором говорится, что практически вся поверхность, на глубину как минимум пятьсот метров, – один сплошной

промышленный объект, со всеми вытекающими. Таким образом, противник может ударить в любой точке, воспользовавшись системой тоннелей. В данный момент враг накапливает силы.

Структура над рукой Турова уменьшилась в размерах, и в стороне стал виден объект в виде прямоугольной коробки. Анимация показала, как в этот объект импульсами входят светящиеся точки. После чего одна светящаяся точка опустилась и повернула в сторону структуры, дальнейшее не требовало пояснений. Нечаев обернулся на все еще висящую карту и с раздражением произнес:

– Поздно! Уже началось!

Главнокомандующий еще несколько секунд стоял, сжимая кулаки и скрежеща зубами, – сейчас там внизу погибают люди, и он ничего не может сделать. Но затем он привычно взял себя в руки и принялся отдавать приказы.

– Уолтерс! – обратился он к генералу.

– Да, сэр.

– Вам придется осуществить ваш план в авральных условиях. Справитесь?

– Разрешите выполнять? – Весь вид генерала говорил о том, что он готов спуститься на планету и лично своим примером показать, как нужно действовать.

– Выполняйте!

Аватар Уолтерса исчез, а Нечаев, хмуря брови, переводил взгляд с карты на висящую рядом уменьшенную копию планеты и обратно. Затем он начал расхаживать из стороны в сторону, при этом размышляя вслух:

– Нам нужно как-то поддержать войска с орбиты, да и эти летающие хреновины желательно выбить, но фрегаты триста первого проекта слишком мощны для этого, и их всего четыре штуки. – Он остановился и обвел взглядом офицеров, наблюдавших за его действиями: – Есть у кого-то мысли на этот счет?

– Торпеды не вариант, пожжем своих людей, а пушки фрегатов двести первого проекта не эффективны с такой высоты, – высказался один из офицеров.

Нечаев продолжил свой забег, повторяя как заговоренный:

– Слишком высоко, слишком высоко... – Он вдруг резко остановился, жестом подтащил к себе модель планеты и задал вопрос, обращаясь ко всем сразу: – На какой высоте сформируется планетарный щит?

– Около двадцати километров, господин главнокомандующий. – Лукашевич первым успел ответить на вопрос.

– Вот оно! – выкрикнул Нечаев и активировал канал связи: – Внимание всему флоту, принять конфигурацию новой орбиты.

Глава 3

Солнечная система. Плутон. Орбитальный пункт контроля гиперпространственных врат

Мужчина подплыл к гермодверям, ведущим в пункт управления, и на мгновение задержался, чтобы система безопасности смогла распознать его и разрешить вход. Как и ожидалось, через пару секунд из динамиков раздался одобрительный писк, и гермодверь с шипением отошла в сторону. Его взору открылось небольшое цилиндрическое помещение диспетчерской, в которой находилось четыре человека, сидящих за консолями и повернутых спиной к центру. Он хорошо знал этих людей, так как проработал с ними бок о бок почти год.

– Здравствуй, Александр. – Первым с характерным акцентом поздоровался Арджун, чистокровный индеец, занимающий должность инженера.

Анна, работающая баллистиком, повернулась и лишь мило улыбнулась при виде Александра. Николай, отвечающий за связь, также был немногословным и кивнул в знак приветствия. Только совсем молодой парень, которого звали Джимми, никак не реагировал на появление еще одного человека в диспетчерской. А все потому, что молодые годы требовали свое и накануне Джимми всю ночь провел в развлекательном центре на Плуtone. Поэтому он банально уснул на рабочем месте, не дождавшись всего двух часов до конца рабочей смены.

У всех сотрудников пункта контроля была своя трагическая история их жизни, которая привела их сюда, на Плутон. Многие потеряли своих близких и видели в лице Джимми своего погибшего сына, брата или внука, поэтому относились к небольшим его шалостям снисходительно. Тем более, подобные случаи бывали редко и не являлись его обычным поведением. Когда Александр Григорьевич увидел в камеры, что Джимми спит, он решил подменить его и выйти на смену раньше – все равно делать особо нечего, из развлечений на станции только глобальная сеть.

– Джимми, – тихонько произнес Александр, потрепав того за плечо. – Джимми! – повторил он свои действия, слегка прибавив громкости в голосе.

Неожиданно Джимми начал кричать:

– Нет! Мама!

В этот момент Джимми проснулся и стал вертеть головой, не понимая, где он находится, но затем увидел Александра, и в его взгляде проступило понимание.

– Александр Григорьевич? – с удивлением произнес Джимми.

– Да, Джимми. Я пришел тебя подменить.

– Но...

– Никаких «но», – перебил его Александр. – Не хватало, чтобы начальство застукало тебя спящим за рабочим местом. Так что, марш в комнату отдыха отсыпаться!

Джимми посмотрел на коллег из своей смены, пытаясь найти поддержку, но увидел лишь одобрительные взгляды. Наконец сдавшись, он со вздохом расстегнул страховочные ремни и, оттолкнувшись от кресла, взмыл вверх.

– Спасибо, – почти шепотом и как-то вымученно произнес Джимми. Больше не говоря ни слова, он направился на выход.

Александр проводил его взглядом и занял освободившееся место. Наблюдая за тем, как парень проснулся после приснившегося кошмара, он невольно вспомнил события более чем трехлетней давности. Тогда Александр, вполне успешный предприниматель в сфере сельского хозяйства, ожидал сына с его семьей у себя на ферме, где ему должны были показать новорожденного внука. Когда прибыли гости, Александр почти весь день продержал наследника на руках, постоянно сюсюкаясь.

Он не раз вспоминал те моменты и понял, что никогда не чувствовал себя таким счастливым, а затем пришла война. И роковое решение, которое он принял, навсегда перевернуло его жизнь. Сын настаивал на том, что нужно ехать в ближайший город, но Александр уговорил остаться, утверждая, что так безопаснее. И поначалу так и было, большинство орбитальных ударов приходились на города, но через неделю на соседней ферме появились вражеские роботы, которые выжигали все на своем пути. Пришлось бежать, бросая все, и, загрузившись всем семейством в обработчик полей, двинуться к ближайшему центру сопротивления.

В то время атмосфера Земли уже была нарушена: дули сильные ветра, а вокруг стояла тьма, и дороги почти не было видно. Благо обработчик полей – это довольно тяжелый и автономный трактор, и он легко преодолевал препятствия, образовавшиеся на пути под действием разбушевавшейся стихии. А затем случилось непоправимое, Александр лишь успел увидеть, как впереди что-то блеснуло, а потом вспышка и темнота. Он очнулся уже в полевом госпитале, как ему рассказали позже, его раскуроченный трактор обнаружил такой же беглец и, найдя единственного выжившего, привез Александра в госпиталь в бессознательном состоянии. Вот так, в одночасье, он лишился всего: любимого дела, семьи и смысла жизни. Но пока проходил реабилитацию, внутри него постепенно разгорался огонь и жажда мести. Его возраст уже не позволял ему вступить в вооруженные силы Федерации, но желание приложить руку к уничтожению врага, неважно где и кем, привели его к подписанию контракта с компанией РОС. А дальше очень познавательное путешествие на дирижабле в Африку на космодром, полет на Луну и распределительный пункт, где он был направлен на курсы диспетчера еще не известных в то время гиперпространственных врат. После окончания курсов был долгий путь к Плутону, где Александр стал одним из лучших специалистов.

Александр встряхнул головой, разгоняя наваждение, и решительно подвинул кресло, после чего провел рукой над консолью. Та засветилась, признавая оператора, и начала выводить статусы и назначения текущих полетов. Пока трафик был небольшой, в основном научные миссии в гиперпространство. Да и откуда ему взяться, если для его создания нужны вторые врата, а они все еще строятся. Но исследовательские корабли регулярно ныряли в гипер и через время появлялись обратно. И чтобы корабли не столкнулись при входе и выходе, требовался диспетчер.

Консоль пискнула, завершив вывод всего списка, и Александр принялся листать его, медленно проводя рукой. Внезапно справа от списка появилась надпись: «Неизвестная сигнатура. Сигнал устойчивый. Одна световая секунда». Строчка помигала красным и переместилась на верх списка.

– Не понял, – с недоумением произнес Александр, когда ткнул на подозрительный сигнал.

А уже через мгновение он с криком «Внимание, приближается неизвестная сигнатура!» ударил по тревожной кнопке.

Вой сирены разнесся по всей станции, и сейчас весь экипаж спешно пытался занять боевые посты. Автоматические пушки тут же взяли на прицел пространство между створками врат, а корабли охранения начали маневрировать, пытаясь занять более выгодную позицию и развернуться носом к предполагаемой угрозе. У Александра неожиданно мелькнула мысль, что Джимми так и не удалось выспаться, но через мгновение он забыл обо всем.

– Внимание, открытие врат! – выкрикнул Александр и до рези в глазах уставился на параметры выходящего объекта.

По створкам ворот пробежались огоньки, и внутри врат из абсолютной пустоты развернулась гиперпространственная воронка.

– Множественные цели! – продолжил комментировать происходящее Александр.

Сначала одиночный корабль выскочил из гипер, а за ним три тройки, и через мгновение в наушниках раздался голос женщины:

– Говорит капитан Алонсо, фрегат «Немезида», Стальные Волки. Прошу предоставить коридор подхода к орбитальному порту.

Александр не мог поверить своим глазам: на проекционных экранах были отчетливо видны корабли ушедшего почти два месяца назад флота Федерации. Среди людей уже начали распространяться слухи, что флот погиб или попросту потерялся в гипере, и сейчас Александр наблюдал фактически мертвецов. Волнение переполнило его, и он не сразу сообразил, что продолжает молчать, и лишь когда капитан Алонсо повторила свой запрос, Александр очнулся и, не скрывая радости в голосе, произнес:

– Говорит диспетчер пункта контроля, фрегат «Немезида», высылаю данные фарватера. Придерживайтесь тридцать седьмого коридора, причал номер три примет вас. – И через секундную паузу добавил: – Добро пожаловать домой.

* * *

Виртуальный мостик фрегата Федерации «Рассвет». Орбита планеты Оршу. Система Хадар

После получения приказа от главнокомандующего на смену орбиты флот спустился на пятьдесят километров над поверхностью планеты. В отсутствии атмосферы можно спуститься хоть на метр от поверхности, если бы она была гладкая, как шар, и продолжать движение по орбите. Но Оршу имела сложный рельеф, и наивысшая точка поверхности лежала на высоте порядка двух километров над условным уровнем моря. Тем не менее корабли флота не продолжали спуск, так как ниже уже находился планетарный плазменный щит, который был достаточно плотным для орбитальных скоростей и, по сути, выполнял роль атмосферы, затормаживая объекты, проходящие сквозь него. Если какой-нибудь фрегат Федерации вздумает пройти сквозь щит, то, потеряв скорость, он просто рухнет на планету по баллистической траектории. Но у командования были свои мысли на этот счет.

– Господин капитан третьего ранга, флот заканчивает маневр, – доложили Белову с поста объективного контроля.

– Вижу, – ответил капитан, наблюдая перед собой тактическую схему планеты и ее орбиты.

Сейчас флот почти закончил менять угол наклона орбиты, и теперь все корабли будут проходить над плацдармом, который успел захватить десант. Правда, из-за вращения планеты все же придется немного корректировать орбиту на каждом витке, но с этим справится автоматика. Помимо этого, корабли флота равномерно растянулись вдоль орбиты, чтобы каждые десять минут хотя бы один фрегат пролетал над плацдармом.

– Маневр завершен, господин капитан третьего ранга. – Доклад не заставил себя ждать, как только все корабли заняли свои позиции. – Пришла команда на начало нырка.

– Хорошо, начинаем. Пуск торпед разрешаю, – спокойным голосом произнес Белов и через мгновение добавил: – Пуск.

По стечению обстоятельств фрегату «Рассвет» выпала честь первым попробовать нырнуть под плазменный щит. Остальные будут наблюдать и в случае успеха повторят маневр, или будет еще один смельчак, готовый рискнуть. А рисковать готовы были все, так как сейчас там, на поверхности, гибли люди, попавшие в западню. И если маневр не удастся, планетарный десант останется без прикрытия с орбиты и погибнет.

Когда капитан Белов только попал на борт своего фрегата двести первого проекта, то первое, что он сделал, – это настроил виртуальную среду под себя. Он никогда не думал, что попадет в космос, и когда это случилось, пытался насладиться каждым мгновением своего пребывания среди звезд. Но фрегаты сотого проекта не позволяли это сделать в должной мере, но модернизированные фрегаты двести первого проекта – совсем другое дело. Поэтому сей-

час Белов стоял как бы внутри уменьшенной копии фрегата, внешние обводы которого были выполнены в виде полупрозрачных линий и, по сути, не мешали обзору. Вся команда неслась сквозь пространство, наблюдая все, что происходит вокруг.

После произнесенного приказа Белов повернулся лицом к корме корабля и увидел, как две торпеды сигарообразной формы выскочили из люков по бокам. Отойдя на безопасное расстояние, они с помощью маневровых двигателей совершили кувырок, разворачиваясь в противоположную сторону относительно движения по орбите, и тут же запустили маршевые двигатели, проработавшие несколько секунд. Капитан в принципе хорошо знал орбитальную механику, но не переставал удивляться происходящему. Казалось бы, торпеды развернулись и начали тормозить, значит, они должны отстать и оказаться далеко позади, и с минуту так и было. Но их орбита изменилась, и Белов наблюдал, как две точки ушли назад, а затем начали спускаться ближе к поверхности. Визуальный контакт давно пропал, но система объективного контроля услужливо подсвечивала торпеды маркерами, и через пять минут они уже проходили под фрегатом, приблизившись почти вплотную к плазменному щиту и обгоняя фрегат его по орбите. Спустя еще пять минут торпеды удалились настолько, что ушли за диск планеты, но маркеры продолжали указывать их местоположение, да и тактическая схема отображала все вплоть до скоростей и векторов. Белов вытянул руку и провел ею в сторону, разворачивая тактическую схему к себе тем местом, где сейчас двигались торпеды. Согнув руку в локте, он приблизил изображение и увидел, как торпеды мчатся над щитом, чуть ли не касаясь его корпусами. У капитана даже появилась ассоциация с серферами на волнах. Когда торпеды пересекли условный рубеж, Белов скомандовал:

– Подрыв.

Вспыхнули два новых солнца и спустя секунду погасли, но плазма – это уже не вакуум, и поэтому ударные волны прошли по поверхности щита, сжимая и разгоняя ионы водорода в стороны. Как показывала тактическая схема, в щите образовалась огромная дыра, размером достаточным, чтобы через нее мог пролететь фрегат. С этого момента нельзя было терять ни секунды, так как щит затянется.

– Начать маневр для нырка. – Капитан отдал очередную команду и стал вертеть головой, наблюдая, как будет себя вести фрегат.

– Есть начать маневр, – ответили с навигационного поста, и фрегат повторил ту же последовательность, что и торпеды ранее, – кувырок и запуск маршевых двигателей.

В отличие от торпед, у фрегата не было такой тяги двигателей, поэтому им придется проработать практически весь отрезок маневра. Траектория орбиты начала смещаться, вытягиваясь в эллипс, и так продолжалось почти десять минут, пока один из ее концов не прошел четко через проделанную дыру, после чего двигатели отключились и фрегат снова совершил кувырок. Теперь оставалось только ждать.

Фрегат все ближе и ближе подлетал к щиту и в какой-то момент погрузился в него, пройдя через дыру. Вся команда наблюдала это эпическое явление: фрегат словно действительно нырял в океан плазмы, но при его выходе уже с другой стороны появилось ощущение нахождения под небесным сводом. Но времени любоваться не было, и капитан, с трудом оторвавшись от созерцания происходящего, отдал команду:

– Выровнять орбиту на высоте десять километров. Все внимание ПРО перенаправить в нижнюю полусферу и быть начеку, сейчас по нам начнут долбить.

С боевых постов донеслось:

– Есть выровнять орбиту.

– Есть перенаправить ПРО.

Фрегат продолжил снижение, но траектория орбиты начала постепенно выравниваться, снова превращаясь в круговую. Как и предполагал капитан, противник не заставил себя долго ждать.

– Обнаружены четыре цели, идущие курсом наперехват. Вычислитель опознал их как ракеты ПКО противника. Расстояние – тридцать километров. – Доклад с поста объективного контроля сопровождался появлением отметок на тактической схеме.

– Сбить, – спокойно приказал Белов.

На корпусе фрегата открылись четыре люка, и из них выпрыгнули четыре ракеты ПРО и, совершив разворот, умчались куда-то назад. Через пять секунд поступил новый доклад:

– Цели поражены. – И спустя несколько секунд офицер поста контроля продолжил: – Обнаружены пять целей, идут курсом наперехват. Ракеты ПКО.

– Сбивать все вражеские ракеты без моего приказа.

– Есть сбивать все ракеты.

Больше Белов не отвлекался на ракеты противника, но ресурс ракет ПРО не бесконечный, и он периодически посматривал на счетчик количества ракет в наличии. Где-то сзади, внутри щита, вспыхнул термоядерный взрыв, и через образовавшуюся дыру, словно карающая длань господня, был нанесен орбитальный удар по месту, откуда стартовали ракеты противника. Капитан лишь краем сознания отметил это, так как фрегат приближался к рубежу атаки. Впереди уже виднелся плацдарм, кажущийся с высоты небольшим клочком поверхности, на которой сейчас разверзся ад. Все пространство плацдарма просто светилось от множества взрывов. Противник задействовал ранее скрываемые летательные аппараты, которые сейчас целыми роями кружили над поверхностью, сея смерть среди планетарного десанта. Конечно, десант не оставался в долгу, и периодически вверх устремлялись огненные иглы, которые дотягивались до вражеских машин, и те сыпались обломками на головы обороняющихся.

– Основная цель – летательные аппараты противника, – заявил Белов и стал отмечать сектора обстрела для канониров, но, не забыв о наземных силах, также выделил пару участков, где отсутствовали силы Федерации, так как без целеуказания от десанта бить по поверхности чревато дружественным огнем.

Модернизированный фрегат двести первого проекта имел на вооружении восемь скорострельных пушек пятидесятого калибра, способных выпускать по три тысячи снарядов в минуту. В условиях отсутствия атмосферы и расстояния баллистический вычислитель предсказывал полет снаряда довольно точно, позволяя вести прицельную стрельбу.

– Огонь! – наконец приказал капитан, как только фрегат пересек черту двадцать километров до плацдарма.

Все восемь орудий выстрелили, посылая вперед смертоносный металл. Отдача от бортовых пушек была такой силы, что заставляла фрегат терять скорость, поэтому баллистический вычислитель запустил маршевые двигатели, чтобы компенсировать потерю скорости. Тем временем пушки продолжали бить на пределе скорострельности, переводя огонь с одной цели на другую, создавая визуальный эффект хлестающих плетей.

Орбитальная скорость фрегата была почти четыре километра в секунду, поэтому расстояние до плацдарма он преодолел за пять секунд и почти двадцать секунд находился в зоне боевых действий. Даже когда корабль пересек весь плацдарм и начал отдаляться, то все равно продолжал огонь, хоть и с меньшей эффективностью. Впереди фрегату «Рассвет» предстояло еще выполнить маневр по выныриванию из-под щита для короткого отдыха и пополнения боеприпасов, но пролет над плацдармом оказался более чем удачным. Поэтому, согласно заранее установленной очереди, остальные корабли флота начали спуск к планете.

* * *

Подразделение ССО «Стальные Волки» затаилось и с помощью оптических систем наблюдало, как в нескольких километрах разверзся ад. Сообщение от Ивана командование полу-

чило слишком поздно, и противник начал атаку на плацдарм раньше, чем кто-либо смог что-то предпринять. Сперва вражеские силы, пробив себе проходы из-под поверхности, выскочили войскам Федерации прямо в тыл, и одновременно с этим противник усилил натиск по всему периметру плацдарма. К избиению десанта подключились ранее скрываемые летательные аппараты, отсутствие которых в начале компании сильно смущало Ивана. Удар был настолько неожиданным, что командование планетарными силами растерялось, и почти полчаса десант был предоставлен сам себе, без какого-либо общего руководства. А силы противника продолжали прибывать внутрь плацдарма, усугубляя положение обороняющихся.

Наблюдая за происходящим издали и в основном получая информацию из общего канала, бойцы ССО порывались броситься в гущу событий на помощь погибающим товарищам. Да и Иван мог честно признаться, что хотел сделать то же самое, но боевой опыт все же позволил ему сохранить голову холодной и удержать людей от этой самоубийственной идеи. Он прекрасно понимал, что если отдаст приказ на открытие огня или еще какими-либо действиями проявит свой отряд, тогда они все погибнут, не внося значимого перевеса. Все же отряд ССО не предназначен для штурмовых действий или для участия в таких мясорубках, которая происходила сейчас на территории плацдарма. Их задача – разведка и диверсии, ну, максимум – это выступить в качестве огневой поддержки, работая за спинами штурмовых рот. Куда большую пользу его отряд сможет принести, оставшись в живых. На это указывает добытая им информация. Да, она оказалась бесполезной, но спустись они на час раньше – и все могло быть по-другому. Поэтому Ивану оставалось лишь скрежетать зубами, убеждая себя, что он принял правильное решение.

Тем временем по всему плацдарму шли ожесточенные бои. Пыль многое скрывала, но даже в таких условиях были видны вспышки от стрельбы, что-то взрывалось, подбрасывая обломки вверх на добрую сотню метров, а над всем этим кружил целый рой вражеских аппаратов. Но самое гнетущее впечатление производила та какофония голосов, звучащая на общем канале. Да, конечно, планетарный десант не сдавался и продолжал сопротивление, но все это выглядело агонией – врага было слишком много. Иван прекрасно понимал, что если падет плацдарм, то его подразделению тоже конец, так как банально не будет где пополнить запасы кислорода, и он думал о том, что если это случится, то он лучше поведет подразделение в бой, чем умрет от удушья.

Неожиданно в командном канале стали поступать четкие приказы, и уже спустя минуту стычки начали принимать осмысленный характер. Находящиеся рядом разрозненные силы Федерации стали сближаться друг с другом, уничтожая противника, попавшего между ними. Спустя еще двадцать минут принялись образовываться очаги сопротивления с круговой обороной, благо этому способствовали множественные руины, оставшиеся от орбитальной бомбардировки. И это начало давать результаты: все же, имея общее командование, люди из вооруженной толпы превращались в единый кулак. Но больше всего проблем создавали летающие машины, которые несли смерть, выжигая плазмой целые площади. Причем эти машины, как и предполагал Иван, наносили удар и уходили куда-то за пределы видимости для дозаправки, а после возвращались. Да, их сбивали, но соотношение подбитых и прибывающих летательных аппаратов оставляло желать лучшего.

– Командир, смотри. – Ван И отметил целеуказанием объект и передал его в сеть подразделения.

Иван оторвался от виртуальных экранов и посмотрел в указанном направлении. С противоположной стороны от его подразделения к плацдарму приближалась белая точка и очень быстро приближалась. Затем точка превратилась в небольшую черточку, и внезапно у нее появился инверсионный след фиолетового цвета, а в сторону плацдарма потянулись едва заметные росчерки. Через пару секунд пространство над плацдармом вспыхнуло от множества врывающихся летательных аппаратов противника. Они валились обломками вниз, порождая

вторичные взрывы. Иван применил увеличение, на пределе возможности электронных глаз, чтобы разглядеть гостя. Изображение нещадно тряслось, и вычислитель ББС с трудом удерживал летящий объект в центре поля зрения, но Иван смог его разглядеть.

– Это наш фрегат! – выкрикнул он и не заметил, как на его лице появился оскал.

Фрегат Федерации, словно ледокол, промчался на огромной скорости, проделывая просеку в рое вражеских машин. Атака земного корабля заняла каких-то пару десятков секунд, и после того, как он начал удаляться, общий канал взорвался воплем ликования, что даже автоматика сработала, понижая громкость. Иван проводил фрегат взглядом и снова посмотрел вдаль, где виднелись новые точки. Через десять минут еще один фрегат пролетел над плацдармом с тем же результатом. Последующий появился уже через восемь минут, а спустя час над плацдармом было организовано непрерывное движение из кораблей, которые несли смерть и разрушения врагу. Вражеский натиск резко ослабел, но на этом ничего не закончилось. После того планетарный десант пришел в себя и смог выдать целеуказание, флот стал бить и по поверхности. Картина боя уже не выглядела такой удручающей, и Родригес решил выдать свое умозаключение:

– Похоже, сегодня героическая смерть отменяется.

В этот момент в командный канал пришел приказ непосредственно для подразделения ССО. Ознакомившись с текстом приказа, Иван с иронией произнес:

– Родригес, похоже, командование пошло тебе навстречу и все же предоставило возможность героически погибнуть. – После небольшой паузы он уже командным голосом продолжил: – Внимание всем, командование приказывает нам выявить все хабы, прилегающие непосредственно к плацдарму, и сообщить их координаты, а по возможности осуществить целеуказание для нанесения орбитального удара. В связи с этим каждая группа должна прочесать свой квадрат в поисках цели. – И более строгим голосом добавил: – Вспоминаем меры предосторожности при взрыве тактического ядерного боеприпаса, а именно какой будет эффект от стокилограммового снаряда. Всем все ясно?

В командную сеть стали приходиться подтверждения о получении приказа и, пробежавшись глазами по списку групп, Иван удовлетворительно кивнул.

– Отлично, тогда начинаем, – произнес Иван и переключился на канал только своей группы: – Родригес, тебе предоставляется честь первым размочить счет и помочь уничтожить обнаруженный нами хаб. Остальные отходят на безопасное расстояние.

Спустя полчаса произошло то, что можно охарактеризовать как «разверзлись небеса». Немного в стороне от цели в небе вспыхнуло новое солнце, и слегка мерцающий на фоне звездного неба щит разошелся в стороны, открывая возможность для удара. Через образовавшуюся дыру, оставляя след в остатках плазмы, ворвался стремительный и едва заметный снаряд. Преодолев три десятка километров, он ударил точно в центр конструкции, которую Иван назвал хабом. Чудовищный по своим масштабам взрыв разнес строение на куски, оставляя огромную воронку. А обломки, разлетевшиеся на несколько километров, продолжали падать на протяжении еще как минимум пяти минут.

* * *

Планета Оршу. Где-то на глубине

М-да, зрелище, открывшееся передо мной, вызывало чувство тревоги и безысходности. На обширной площадке, которая, возможно, служила полом для какого-нибудь склада, находилась свалка с копошащимися на ней отвратительными насекомыми. Отвратительными они казались из-за того, что их поврежденные корпуса и культы отсутствующих конечностей покрывала бурая масса, служащая для герметичной закупорки. Но насекомые каким-то образом умудрились измазаться в герметизирующей пене полностью и в свете фонарей

казались живыми, вызывая неприятные ассоциации. Тараканы и пауки, сохранившие какую-никакую подвижность, выстроившись в цепочку двустороннего движения, тащили части уцелевших агрегатов и устройств, демонтированных с фрегата. Эта картина напомнила мне муравьев-листорезов, живущих когда-то в джунглях Земли, которые также выстраивались в длинные цепочки по доставке листьев на свои грибные поля.

На кучах, куда сваливалось все это добро, хозяйничали собратья носильщиков, которые оказались менее удачными при падении корабля. У них отсутствовала значительная часть лап или повреждения корпуса не позволяли переносить какие-либо нагрузки, но вот для осмотра, сортировки мелких деталей, незначительного ремонта и прочих процедур, не требующих приложения силы, они подходили вполне. Но самыми многочисленными представителями этого серпентария были мелкие искусственные муравьи, стрекозы и остальная всевозможная мелочь, которая в изобилии присутствовала на фрегате. Некоторые предназначались для силовых подразделений в качестве небольших разведчиков, другие были неотъемлемой частью корабля, обслуживая его в труднодоступных местах. Как ни странно, из-за их незначительного размера им удалось остаться в большинстве своем невредимыми, и сейчас они просто кишели на свалке технологического хлама. В свете фонарей моего Волка это все бегало, ползало, ковыляло и шевелилось, создавая впечатление нахождения внутри жуткого логова насекомых. Только королевы улья не хватает. Я перевел взгляд на видимую отсюда часть фрегата. Хотя почему не хватает, там внутри находится та самая королева, которая всем этим и заправляет, благо вычислительных мощностей на это достаточно. Усмехнувшись своим мыслям, открыл структуру иерархии командной сети и переименовал фрегат Фурию в Королеву.

Полюбовавшись происходящим на свалке еще с минуту, принялся размышлять, что делать дальше. Мне неизвестно, что происходит там, наверху, да и свою тушку быстро найти не удастся, и сколько еще времени я здесь пробуду – непонятно, поэтому встает ребром вопрос ресурсов. Всей этой армии насекомых требуется энергия, питательное вещество и кислород. Да, на корабле еще остались некоторые запасы, но их надолго не хватит, а значит, нужно все это добыть здесь. А еще я уверен, что при подъеме наверх мне придется столкнуться с вражеским присутствием, поэтому нельзя забывать и об оружии. Итак, начнем с главного – с энергии.

Все мои создания, кроме совсем мелких, обладают собственным источником энергии в виде обычного возвратно-поступательного генератора, который приводит в действие искусственная сердечная мышца. В принципе, это позволяет, например, тем же тараканам существовать автономно продолжительное время, но вот запитать еще какое-нибудь устройство уже не получится. Но мои предки местами были умными людьми, и начиная с первых атомных подводных лодок старались защитить Землю от радиоактивного заражения, и создавали все возможные защитные контуры для ядерных реакторов. И настолько в этом преуспели, что даже прямое попадание торпедой в реакторный отсек не приводило к разрушению реактора, при самом неблагоприятном исходе он автоматически глушился и консервировался. Подобная практика и технологии перешла и в космическую сферу. Реакторы, установленные на фрегате, находятся в бронированных, герметичных капсулах, и в случае аварии или повреждении корабля они также глушатся автоматически. Да, энергия воздействия в космосе и под водой несоизмеримы, и реактор вместе с бронекапсулой могут просто испариться от удара, но практика космических боев показала, что в семидесяти процентах случаев они остаются целыми и подлежат повторному использованию. И сейчас я смотрел на схему энергетической установки, на которой реакторные отсеки подсвечивались ярко-желтым цветом с пометкой «заглушен». А значит, у меня в наличии есть два кипятильника, осталось только придумать, как вырабатываемое ими тепло преобразовать в электричество. С учетом того, что машинный отсек разрушен и от турбогенераторов остался лишь металлолом, это будет еще тот квест, но хотя бы замерзнуть мне не грозит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.